

Тезисы докладов Пятнадцатых Шмелёвских чтений

(К 100-летию со дня рождения академика

Дмитрия Николаевича Шмелева)

Жизнь слова: Научное наследие академика

Д. Н. Шмелева в контексте современности

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Москва, 20–22 февраля 2026

Содержание

<i>О. В. Антонова</i> (Москва). Высокий произносительный стиль во второй половине XX века.	6
<i>В. Ю. Апресян</i> (Ганновер). Плеоназм или коммуникативная точность: дискурсивные функции конструкций <i>где территориально</i> и <i>когда по времени</i> .	8
<i>Е. Э. Бабаева</i> (Москва). Из истории русского словаря физиогномики: <i>смотреть сентябрем</i> .	9
<i>Л. В. Балашова</i> (Саратов). Периферийные типы метафоризации в современном русском языке.	11
<i>А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский</i> (Москва). Судьба периферийных элементов системы русской фразеологии.	13
<i>Н. В. Богданова-Бегларян</i> (Санкт-Петербург). <i>Опять же</i> в русской повседневной речи: семантика и прагматика лексической единицы.	14
<i>Н. Г. Брагина</i> (Москва). Возвратные речевые клише как маркер антивежливой коммуникации.	16

<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова</i> (Москва). «Непосредственная художественность» диалектного текста.	17
<i>Е. Ю. Булыгина, Т. А. Трипольская</i> (Новосибирск). Сильный характер и негибкая воля в русской языковой картине мира (в сопоставлении с французской и английской).	18
<i>Е. Ю. Ваулина</i> (Санкт-Петербург). Семантический анализ общенаучной лексики и ее представление в толковом словаре.	19
<i>И. Т. Вепрева</i> (Екатеринбург). Щепотка географии в семантике словосочетания – привкус региональной идентичности.	20
<i>Е. Н. Геккина</i> (Санкт-Петербург). От <i>премии</i> к премионимам: семантические и морфосинтаксические предпосылки субституции.	23
<i>Е. И. Голанова</i> (Москва). «Время нас не в будущее тянет...». Вспоминая Дмитрия Николаевича Шмелева.	
<i>Е. С. Громенко</i> (Москва). Под влиянием «психояза»: здоровый, токсичный, экологичный.	26
<i>М. Я. Дымарский</i> (Санкт-Петербург). «Исчезающее подлежащее», которого нет (к 50-летию выхода в свет книги Д. Н. Шмелева «Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке»).	28
<i>Т. И. Ерофеева, Е. В. Ерофеева</i> (Пермь). Разговорная лексика в устных монологах: морфологические и семантические особенности.	29
<i>О. С. Иссерс</i> (Омск) Лингвистические механизмы эмпатии в медицинском общении.	30
<i>О. Б. Йокояма</i> (Лос-Анджелес). Проблемы прагматической семантики на материале перевода с японского языка на русский.	31
<i>Ю. В. Кагарлицкий</i> (Москва). ... <i>Была своему мужу товарищ</i> : К изучению лексики описания семейных взаимоотношений в послепетровской России.	33
<i>С. Э. Какорин, Е. В. Какорина</i> (Москва). Мы об искусственном интеллекте и искусственный интеллект о себе: языковая игра и метафорическая образность.	34
<i>М. Л. Каленчук</i> (Москва). Русское побочное ударение и проблема его кодификации.	38

<i>А. Д. Комышкова</i> (Москва). <i>Веганутый</i> : прагматика и оценочный сдвиг в семантике прилагательных со значением странности.	38
<i>М. А. Кормилицына, А. В. Дегальцева</i> (Саратов). Полифункциональность наречий образа действия в структуре пропозиции обладания.	41
<i>А. Г. Кравецкий, А. А. Плетнева</i> (Москва). Екатерина II и расширение сферы использования гражданской печати.	42
<i>М. А. Кронгауз</i> (Москва). Околосемейные отношения: градации близости и оценка.	43
<i>С. А. Крылов</i> (Москва). О работе над информационно-поисковой системой «Толковый словарь русской разговорной речи».	45
<i>О. Ю. Крючкова</i> (Саратов). Роль словообразовательной деривации в развитии лексических значений (из истории лексической группы с этимологическим корнем *vold-).	47
<i>Г. И. Кустова</i> (Москва). Об одном процессе в русской грамматике: «новые» производные союзы.	49
<i>А. Б. Летучий</i> (Москва). Эвиденциальные употребления переходных глаголов в русском языке: конструкции типа <i>Меня уже в третий раз увольняют</i> .	49
<i>И. И. Макеева</i> (Москва). Семантическая история прилагательного <i>великолепный</i> .	51
<i>Е. В. Маринова</i> (Нижний Новгород). «Реальная реальность» как фигура речи и термин.	53
<i>Н. Б. Мечковская</i> (Минск). Как определить наиболее значимые результаты корпусной лингвистики?	54
<i>Т. А. Милёхина</i> (Саратов). Некоторые наблюдения над лексическими инновациями в современной русской речи.	57
<i>Е. А. Никишина</i> (Москва). Существительные с опустошенной семантикой в русской разговорной речи: значение и употребление.	59
<i>Н. А. Николина, З. Ю. Петрова, Н. А. Фатеева</i> (Москва). Образная параллель «город – человек» в русской художественной речи.	60

<i>Н. К. Ониненко</i> (Москва). «Ясно и точно, без некто и где-то» (о семантике слова <i>четко</i>).	62
<i>А. Р. Пестова</i> (Москва). Лексикографическая практика в условиях динамической нормы: опыт работы над дополнениями к «Толковому словарю русской разговорной речи».	62
<i>Е. В. Пурицкая</i> (Санкт-Петербург). Лексика «литературной традиции» в современных нормативных толковых словарях (к проблеме авторитетности источников словаря).	64
<i>Е. В. Рахилина</i> (Москва). <i>Бросаться</i> в контексте языковых контактов.	66
<i>Р. И. Розина</i> (Москва). «Разбежалась!» Снова об отглагольных междометиях.	66
<i>Д. М. Савинов</i> (Москва). Критерии лексикализации произносительных явлений в орфоэпии и диалектологии.	67
<i>О. И. Северская, А. Г. Жукова</i> (Москва). Бездельники и их дела с древних времен до современности.	69
<i>С. М. Толстая</i> (Москва). Лексическая семантика Д. Н. Шмелева и перспективы славянской семасиологии.	70
<i>Е. В. Урысон</i> (Москва). (<i>Сто лет</i>) <i>тому назад</i> – фразеосхемы Д. Н. Шмелева vs Грамматика Конструкций.	72
<i>Л. Л. Федорова</i> (Москва). Структурно-семантические модели окказиональных сложных прилагательных.	72
<i>М. Ю. Федосюк, И. И. Бакланова</i> (Москва). Об изосемичных и неизосемичных второстепенных членах предложения.	74
<i>И. В. Фуфаева</i> (Москва). Изменения в русском глагольном словообразовании на материале неологизмов цифровой эпохи.	75
<i>А. В. Харитонов</i> (Екатеринбург). Уральская идентичность через призму атрибутивной лексики: семантические приращения в региональном контексте.	77
<i>Л. О. Чернейко</i> (Москва). Лексика и грамматика в общетеоретической концепции Д. Н. Шмелева.	79
<i>И. А. Шаронов</i> (Москва). О некоторых приемах воздействия на собеседника в	80

полемиическом диалоге.

- О. А. Шарыкина* (Москва). Слова с суффиксами *-ан (-ян)*, *-ос* и *-ас* в разговорной речи. 80
- Л. Л. Шестакова, А. С. Кулева* (Москва). Язык эпохи сквозь призму поэтического словоупотребления (на материале «Словаря языка русской поэзии XX века»). 81
- А. Д. Шмелев* (Москва). Дмитрий Николаевич Шмелев. 82
- М. В. Шульга* (Москва). Инновации в формах числительных и их системные предпосылки. 83
- Т. Е. Янко* (Москва). Функционально-стилистические типы речевых актов со словом *ага* и их интонация. 84

ВЫСОКИЙ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫЙ СТИЛЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

На протяжении XX в. стилевые различия внутри орфоэпических норм нередко понимались как часть функциональной стилистики, однако современная фонетическая концепция четко различает функциональный и произносительный стили. Согласно взглядам Р. И. Аванесова и М. В. Панова, существовали три произносительных стиля (высокий, нейтральный и разговорный), противопоставленных друг другу целым рядом отличительных черт. Однако уже в работе 1968 г. Панов утверждал: «Несомненно, что в XX в. постепенно исчезают признаки высокого (торжественного) произносительного стиля» [Панов 1968: 112]. Несмотря на наметившуюся тенденцию к исчезновению, состав черт высокого стиля в современных источниках (в частности, в учебниках) оставался практически неизменным более полувека. Наиболее подробно этот вопрос был изучен И. А. Вещиковой: в работе [Вещикова 2013] исследователь формулирует ряд тезисов об ином наполнении высокого стиля к началу XXI в., а также об изменении в жанрах его употребления; главный же вывод состоит в том, что иное наполнение заключается в практически полном исчезновении совокупности примет, описанных Пановым и Аванесовым. Естественно было бы предположить, что переход от состояния высокого стиля, зафиксированного в 60-е гг. XX в. и попавшего в академические описания, к нынешнему его состоянию, описанному И. А. Вещиковой, был не одномоментным, а проходил последовательно. Гипотеза заключается в том, что зафиксированные изменения в употреблении высокого произносительного стиля (главным образом – ограниченность их появления в современном литературном произношении) имели место значительно раньше, чем это было отмечено исследователями, а именно – начиная с 60-х гг. XX в. Для проверки гипотезы были проанализированы аудиозаписи, принадлежащие второй половине XX в., в которых можно ожидать появления черт высокого стиля произношения – ораторской, академической речи. Предметом исследования послужила речь 3-х информантов (А. П. Евгеньевой, О. Н. Трубачева и Т. Г. Винокур). Анализ выявил крайне узкое употребление черт высокого стиля в речи всех респондентов.

После анализа записей звучащей речи II-й половины XX в. редукция черт ВПС очевидна, как и постепенное его исчезновение. Если согласиться с утверждением, приведенным в [Вещикова 2016: 80] о запрете обращения к компрессиям в текстах, стоящих за термином «высокий стиль», пришлось бы признать, что ни одна из приведенных записей не характеризует высокий произносительный стиль, что вступило бы в противоречие с определением стиля академической речи как речи «научного доклада,

лекции, выступления» [Агеенко, Зарва 2000: 8]. Исследование записей показывает, что при научных беседах, чтениях лекций, докладов использовался нейтральный стиль произношения.

И. А. Вещикова было указано, что высокий стиль «изменил свое содержание и “новые” показатели высокого стиля создают соответствующий эффект за счет своего комплексного использования в тексте» [Вещикова 2013: 185]. Однако единственным новым показателем, предложенным ею, является отчетливое произношение финали слова, которое в исследованных записях встречается не так часто. Из показателей «старых» же остался лишь медленный темп речи, который соблюдается не всегда, и высокое качество речи – использование системы интонационных средств, умение держать тон. Прочие «старые» показатели: старомосковские черты, особое произношение заимствованных, эканье – либо отсутствуют в речи информантов, либо настолько редки, что на их основе невозможно выделить отдельную систему. Не является ли в таком случае «иное наполнение» высокого произносительного стиля его *полным* исчезновением? Хотя торжественная, медленная речь требует своего места в произносительной системе русского языка, достаточно ли существующих по сей день черт, чтобы выделять на их основе отдельный стиль произношения, противопоставляя его нейтральному стилю или богатой системе разговорного стиля? Нельзя ли предположить, что к последней трети XX в. в произносительной системе русского языка сформировалась дихотомия «нейтральный стиль – разговорный стиль», в которой торжественная речь является не полноценным третьим участником, а лишь отдельным подвидом нейтрального стиля?

Литература

- Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. 6-е изд., перераб. и доп, М. — 1984.
- Агеенко Ф. Л., Зарва М. В. Словарь ударений для работников радио и телевидения / под ред. К. И. Белинского, М. — 2000.
- Вещикова И. А. Высокий стиль в современной орфоэпической реальности // Журнал «Медиалингвистика». Специальный выпуск № 2. Санкт-Петербург. — 2013 СС. 178—186.
- Панов М. В. Стилистические изменения в фонетике // Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры / Под ред. М. В. Панова. М. — 1968. СС. 108—115.

ПЛЕОНАЗМ ИЛИ КОММУНИКАТИВНАЯ ТОЧНОСТЬ: ДИСКУРСИВНЫЕ ФУНКЦИИ КОНСТРУКЦИЙ *ГДЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНО* И *КОГДА ПО ВРЕМЕНИ*

В современном русском языке широко распространены конструкции типа *где территориально* и *когда по времени*, которые на первый взгляд выглядят как очевидные плеоназмы и часто воспринимаются носителями как стилистически неудачные или избыточные. Действительно, вопросительные слова *где* и *когда* уже содержат в своей семантике пространственную и временную компоненту, поэтому добавление наречий *территориально* и *по времени* формально является излишним. Однако при более внимательном анализе становится ясно, что подобные конструкции не сводятся к простому дублированию значения и выполняют устойчивые дискурсивные функции.

Эти выражения не уточняют и не усиливают исходное значение вопросительного слова, а переопределяют рамку интерпретации всего высказывания. В отличие от конструкций типа *где именно* или *когда именно*, которые предполагают уточнение внутри одного и того же семантического домена, выражения *где территориально* и *когда по времени* выбирают сам домен, в котором ожидается ответ. Они не сужают референцию, а заранее задают параметр релевантности.

Это хорошо видно на уровне допустимых ответов. На вопрос *Где вы находитесь?* возможны ответы разного типа: *дома, в офисе, в городе, в другой стране*. Напротив, вопрос *Где территориально вы находитесь?* практически исключает ответы, обозначающие непосредственное место, и ориентирует адресата на географически формализованную информацию: регион, город, страну, адрес. Аналогичным образом *когда по времени* не допускает ответов вроде *скоро* или *потом*, а предполагает указание временного интервала, даты или точки во времени. Таким образом, данные конструкции функционируют как средства выбора интерпретационного измерения.

Корпусные данные и анализ бытового употребления показывают, что подобные выражения характерны прежде всего для полуофициальной и профессиональной коммуникации: деловой переписки, сервисных диалогов, консультаций, организационных обсуждений. Это указывает на то, что их использование мотивировано не стилистической небрежностью, а коммуникативной необходимостью — стремлением к ясности, структурированности и предсказуемости ответа.

С прагматической точки зрения такие конструкции выполняют функцию раннего структурирования дискурса. Они позволяют говорящему заранее ограничить пространство возможных интерпретаций и тем самым снизить когнитивную нагрузку на

адресата. Вместо того чтобы сначала получить неподходящий или слишком общий ответ и затем его уточнять, говорящий сразу маркирует релевантный параметр. В этом смысле семантическая избыточность оказывается функционально оправданной и даже экономной с точки зрения коммуникативных усилий.

Важно подчеркнуть, что *где территориально* и *когда по времени* не равны простому добавлению метаязыкового комментария. Они образуют новые составные вопросительные конструкции, в которых вопросительное слово и модифицирующее наречие функционируют как единый комплекс. Этот комплекс задает не только тип ответа, но и соответствующий регистр общения, часто ассоциируемый с вежливостью, профессиональной дистанцией и нейтральной формальностью.

В утвердительных высказываниях аналогичные элементы (*территориально находится, по времени это занимает*) выполняют сходную функцию: они выделяют определенный аспект ситуации и представляют его как релевантный для текущего дискурса. Такие конструкции нередко служат для контрастирования разных параметров описания — например, пространственного, временного, функционального — и позволяют говорящему явно указать, в каком именно измерении делается утверждение.

С когнитивной точки зрения подобные выражения можно рассматривать как средства управления вниманием. Они направляют интерпретацию адресата, предотвращают нежелательные выводы и обеспечивают согласование ожиданий между участниками коммуникации. Именно поэтому, несмотря на формальную избыточность, такие конструкции устойчиво воспроизводятся и закрепляются в определенных регистрах языка.

В целом анализ показывает, что выражения *где территориально* и *когда по времени* не являются случайными плеоназмами. Напротив, они представляют собой продуктивные дискурсивные инструменты, отражающие общий принцип языковой организации, цель которых служить не столько дублированию смысла, сколько его эффективному распределению в процессе коммуникации.

Е. Э. Бабаева (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, ИРЯ РАН)

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО СЛОВАРЯ ФИЗИОГНОМИКИ:

СМОТРЕТЬ СЕНТЯБРЕМ

Знаменитая строка А. С. Пушкина из датированного 1822 годом письма к брату, Л.С. Пушкину, «*но Август смотрит сентябрем*» привлекала, конечно же, внимание

исследователей. Этот политический каламбур представлен также в песне Н. Языкова «Мы любим шумные пиры» (1823 г.): «Наш *Август смотрит сентябрем* — // Нам до него какое дело!». В свое время М. К. Азадовский предположил, что каламбур был придуман Н. Языковым, а затем процитирован А. С. Пушкиным. Исходя из этого предположения, исследователь допускал возможность того, что песня была написана Языковым не в 1823 г., а несколько ранее. С этой точкой зрения была не согласна К. К. Бухмейер, полагавшая, что, скорее всего, оба автора опирались на распространенное в ту пору выражение.

Действительно, выражение *смотреть сентябрем* имело очень большое хождение, начиная с 1790-х гг. XVIII в. В качестве субъекта мог выступать сам *сентябрь*, а также другие месяцы, например, *май*, отличавшийся необычной для него сентябрьской погодой. Семантической основой выражения, включающего творительный падеж сравнения, является восприятие сентября как прототипа месяца, для которого характерна плохая («хмурая») погода. Времена года и круг месяцев находятся в центре новой пейзажной поэзии, появляющейся сначала в английской, а потом и во французской литературах XVIII в. Однако осмысление осени не как яркого и радостного периода сбора урожая, а как пасмурного, хмурого, печального времени года является принципиально новым мотивом. Этот мотив ярко представлен в литературных текстах рубежа XVIII и XIX вв., в частности, в произведениях Н. М. Карамзина.

Вместе с тем, в качестве субъекта при выражении *смотреть сентябрем* мог выступать человек. Первое употребление выражения *смотреть сентябрем* применительно к человеку ошибочно приписывается Екатерине II и датируется 1774 г. Это мнение основано на недоразумении: письмо Екатерины II к графу Штакельбергу, в котором содержится данное выражение, приведено в издании ее сочинений, предпринятом А. Смирдиным в 1849–1850-х гг., в русском (очень неточном) переводе, тогда как само письмо написано по-французски. На данный момент первым автором, употребившим это словосочетание, следует считать Н. М. Карамзина, который использовал его в песне «Веселый час»: «Кто всё плачет, всё вздыхает, // Вечно смотрит сентябрем, — // Тот науки жить не знает // И не видит света днем» (1791 г.). Очевидно, что в 1790-е гг. выражение *смотреть сентябрем* уже имело хождение, а в 1794 г. оно включается в V том Словаря Российской Академии: *сентябрем смотреть, глядеть* — «говорится в просторечии: угрюмо, сурово смотреть» [САР V. С. 420]. По всей видимости, слово *сентябрь* в этом случае указывало не только на месяц, но и на весь период осени (ср. прил. *сентябрьский*, которое, согласно САР, могло характеризовать весь период от сентября до января: *сентябрьская треть*). Следует иметь в виду, что помета «просторечие» в Словаре

Российской Академии характеризовало слова и выражения «в разговорах употребляемые», т.е. указывало не на их «простонародное» происхождение, а скорее на использование в некотором устном регистре. Интересно отметить, что в Полном французском и русском лексиконе (1786 г.), а также в первом издании Словаря Российской Академии упоминается вошедшая в моду в это время под влиянием работ Иоганна Каспара Лафатера наука *лицегадание* или *физиогномия*, т.е. умение составлять мнение о человеке по чертам его лица. Лафатер, в частности, связывал угрюмый, тоскливый и коварный характер с «мрачным лбом» («un front sombre») [G. Lavater. L'art de connaître les hommes par la Physionomie. Т.II. Paris, 1720. Р. 86]. В книге «Физиогномика» Лафатер призывал будущего «физиогномиста» разрабатывать новый «физиогномический» словарь: «все царства природы должны служить ему кладовой для создания образов, и все лексиконы мира должны ссужать ему свои сокровища для новых выражений» [Иоганн Каспар Лафатер. Физиогномика. пер. с нем. Н. Скородума. СПб.: Алетейя, 2018. С.112.]. Можно с большой осторожностью предположить, что выражение *смотреть сентябрем* являлось элементом входившего в моду в конце XVIII — начале XIX вв. словаря, описывающего внешние проявления чувств человека (ср. глаголы *нахмуриться*, *хмуриться*, также получившие распространение в это время).

Л. В. Балашова (Саратов, СГУ им. Н.Г. Чернышевского)

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ТИПЫ МЕТАФОРИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Метафоризация (в широком ее понимании) представляет собой особый вид эпидигматики (семантической деривации) [Шмелев 1973: 11], основанной на «категориальном сдвиге», субъективно устанавливаемом сходстве между явлениями действительности. Антропоцентрический (субъективно-созидательный) характер таких переносов обуславливает то, что, с одной стороны, «метафорические соотношения между значениями слов очень разнообразны, их трудно было бы подвести под более или менее устойчивые формулы», а с другой – «здесь можно отметить некоторые более или менее общие закономерности» [Шмелев 1977: 96].

2. С лингвистической, когнитивной, функциональной точек зрения в метафорической системе русского языка можно выделить ядерные (прежде всего языковые образные) и периферийные типы метафор. К последним, в частности, относятся

фонетические и частичные (словообразовательные) переносы, выделяемые далеко не всеми исследователями.

3. Фонетические метафоры, образуемые на базе фонетического созвучия (омонимии и паронимии) (ср.: *бабтист* (сленг.) ‘ловелас’; *муха ЦЦ* (сленг.) ‘ошибка, связанная с работой винчестеров с кодом LED: 000000CC FAddr’), обычно относят к псевдометафорам. Но, во-первых, значимость фонетических ассоциаций и «сближений» в деривационных процессах весьма велика [Шмелев 1973: 11], а во-вторых, многие псевдометафоры за счет новой внутренней формы формируют денотативные, когнитивные, словообразовательные связи и начинают функционировать как метафоры семантические (ср. в компьютерном сленге: *ИА / ИЕ*, *ослик Иа*, *осел*, *ишак* ‘браузер **ИЕ** (Internet Explorer)’; *наскуда* ‘программа на языке «Паскаль»’, *наскудник*, *насквилянт* ‘программист, пишущий программы на языке «Паскаль»»). Такого рода переносы активно используются в сленге, разговорной речи как способ адаптации иноязычной терминологии и / или языковой игры (ср.: *Я сижу с Сашиным вермутом... И медленно погружаюсь в Вермутский треугольник*. Э. Радзинский, 1990–2000; *Не случайно одна из статей в интернетовском «Курсе бывшего чатланина» называется «Чат как соковыжималка»*. А. Мокроусов, 2002).

4. Частичные (в терминологии В. Г. Гака) метафоры представляют собой первичные ЛСВ производных лексем, мотивированные переносным значением производящих слов. Такого рода переносы (в отличие от фонетических) — характерная особенность лексико-семантической системы на всех этапах ее развития. В современном русском языке они последовательно фиксируются, в частности, в субстантивных ЛСГ с абстрактной семантикой, члены которых представляют отглагольные и отыменные дериваты. Например, из 65 метафорических членов субстантивной ЛСГ «Связи; отношения; зависимости» более 45% представляют собой частичные переносы (ср.: *связь* ‘взаимные отношения’ — от *связать*: ‘скрепить что-л. разъединенное или отдельное’ → ‘поставить в какое-л. отношение, установить зависимость’). Частичные метафоры активно используются в разговорной речи, во внелитературных стратах (ср.: *перестраховщик* (разг.) ‘тот, кто проявляет чрезмерную осторожность, чтобы уменьшить свою ответственность за что-л.’ — от *перестраховаться*: ‘застраховаться снова’ → (разг.) ‘проявить чрезмерную осторожность’). Формирование частичных (прежде всего — сленговых, просторечных) метафор поддерживается однотипностью словообразовательной структуры других полных или частичных метафор (ср.: *безбашенный* ‘безрассудный, неуправляемый’ (от сленгового значения ‘голова’ *башня*); *безголовый*: ‘без головы’; ‘лишенный здравого смысла’; *взбелениться* (прост.) ‘прийти в

крайнее раздражение' (от *белена* 'ядовитое травянистое растение'); *взбеситься*: 'заболеть бешенством'; 'прийти в состояние крайнего раздражения').

Литература

Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) М.: Наука, 1973. 280 с.

Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М.: Просвещение, 1977. 335 с.

А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский (Москва, ИРЯ РАН)

СУДЬБА ПЕРИФЕРИЙНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ СИСТЕМЫ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В докладе мы рассмотрим некоторые существенные тенденции развития русской фразеологии на примере ее периферийных элементов. Под периферийными элементами понимаются такие идиомы, которые среди множества идиом с близким актуальным значением и образной составляющей употребляются существенно реже, чем их корреляты из этого множества. В качестве антонима к этому термину мы используем термин «непериферийные элементы».

Выделяются некоторые характерные типы переходов периферийных элементов в непериферийные, и наоборот. Один из типов переходов охватывает случаи, когда один из нескольких периферийных элементов фразеологической системы XIX в. становится непериферийным в XX-XXI вв. Так, варианты *молоть языком*, *молотить языком*, *колотить языком* в письменном дискурсе XIX в. были периферийны, а в XX-XXI вв. *молоть языком* становится непериферийным. Другой тип – полное исчезновение периферийного элемента фразеологии XIX в. в современном узусе (*как на иглах* – *как на иголках*). Третий тип – зеркальный переход непериферийного элемента языка XIX в. в периферийный в современном языке, и наоборот. Примером может служить пара выражений *рехнуться ума* (непериферийный вариант в XIX в. и периферийный в XX-XXI вв.) и *рехнуться умом*, обнаруживающий обратное развитие.

Анализ материала из НКРЯ показывает, что в целом система переходов во фразеологии оказывается хаотичной. Не исключено, что это объясняется тем, что идиоматика тесно связана с обычной лексикой и изучение истории периферийных элементов неотделимо от общего развития лексической системы. Кроме того, идиоматика очень подвижна и в значительной мере неустойчива. Тем не менее, некоторые случаи

можно описать как действие принципа экономии, определяющего функционирование и развитие языка.

Н. В. Богданова-Бегларян (Санкт-Петербург, СПбГУ)

ОПЯТЬ ЖЕ В РУССКОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ: СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ¹

По наблюдениям лингвистов, «смысловой доминантой русской языковой картины мира» (Падучева 1996), «чертой языкового вкуса эпохи» [Костомаров 1999] является *неопределенность*. Активизация в нашей речи маркеров-аппроксиматоров *как бы* и *типа* позволила даже говорить об «эпохе неопределенности» [Иванян 2015], отражающей одну из тенденций развития современного русского языка последних десятилетий. Однако речь стремится к равновесию, и если на одном полюсе *шкалы неопределенности / конкретности* усиливаются позиции аппроксиматоров *типа* и *как бы*, то на другом рождаются и активизируются единицы *чисто* (*вот / поэтому ... чисто для вас / наверно ... это было хорошо*) и *как раз таки* (*ну вот как раз-таки тема зашла про цены*) (все примеры – из корпуса ОРД), выступающие в конкретизирующей функции [Богданова-Бегларян 2023]. Можно предположить, что ничем иным, как стремлением «уравновесить» усиление неопределенности в нашей речи, появление этих единиц и не обусловлено. Дополнительными причинами можно назвать еще разве что появившуюся в последнее время *моду на лишние слова и ритмизацию устной речи*.

Так или иначе, но шкала неопределенности / конкретности в устной речи определена (тоже конкретизирующий маркер!) существует, и на ее полюсах появляются все новые и новые единицы. Одной из таких единиц на полюсе конкретности становится просторечное *опять же*, которому словари приписывают значения ‘также, к тому же, кроме того’ [МАС 1986: 635]:

- *не надо ничего никому доказывать / **опять же** не царское это дело;*
- *причём вот (...) **опять же** со студентами на работе общаюсь.*

Однако наряду с новой семантикой *опять же* во многих (отнюдь не просторечных) употреблениях приобретает и новую прагматику, выступая фактически в функции прагматического маркера (ПМ):

¹ Исследование поддержано грантом РНФ (проект № 22-18-00189-П «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи»)/

- *да / да / да / причём эти зубцы с наваркой идут // допустим (...) вот так вот / да?*
*П которые **опять же** / так сказать это (а-а) идёт от самих историй;
- *и на нас // # (н-н) ну только () сорок пять **опять же** // # ну сорок пять / ну это у меня* *Н достигнуто согласие;
- *а если мы плакать не будем / то это будет **опять же** ... *В.*

В приведенных контекстах *опять же* утрачивает указанную семантику и употребляется немотивированно, в функциях хезитатива и, возможно, ритмообразующего ПМ. В первом примере эта специфика поддерживается и таким же немотивированным употреблением вводного *так сказать*. С учетом этой специфики единицу *опять же* вполне можно рассматривать как потенциальный ПМ, способный пополнить словник соответствующего словаря (ПМ 2021), наряду с такими же потенциальными маркерами, как *своего рода, в некотором роде, получается* и под. [Богданова-Бегларян 2026].

Литература

Богданова-Бегларян Н. В. КАК РАЗ ТАКИ как маркер двойного усиления: роль в современной русской речи и место на шкале неопределенности/конкретности // Русское языкознание и литературоведение. 2022: сб. статей VI Междун. науч.-практ. конф. Новосибирск: НГТУ, 2023. С. 9-18.

Богданова-Бегларян Н. В. «Обновление словарного пространства»: о новых поступлениях в Словарь прагматических маркеров русской повседневной речи // Уч. записки ПетрГУ. Т. 48, № 1, 2026. В печати.

Иванян Е. КАК РАЗ ТАКИ вытесняет КАК БЫ. О жизни частиц в русском языке // <https://1001.ru/articles/post/kak-raz-taki-vytesnyaet-kak-by-20754/2015>.

Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. СПб.: Златоуст, 1999. 330 с. // <https://www.litres.ru/vitaliy-kostomarov/yazykovoy-vkus-epohi/chitat-onlayn/>.

МАС – Словарь русского языка в четырех томах. Т. II. К-О. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1986. 736 с.

Падучева Е. В. Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира // http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/dominanta1_1996.pdf.

ПМ – Прагматические маркеры русской повседневной речи: Словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисловия Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. 520 с.

ВОЗВРАТНЫЕ РЕЧЕВЫЕ КЛИШЕ КАК МАРКЕР АНТИВЕЖЛИВОЙ КОММУНИКАЦИИ

В докладе рассматриваются возвратные речевые клише лексико-семантической группы «сам такой». Речевые клише понимаются как одно- и многословные диалогические единицы, устойчиво и стереотипно воспроизводимые, прагматически связанные с конкретным речевым актом и с конкретным классом коммуникативных ситуаций.

Возвратные речевые клише представляют собой повтор-переадресацию, реализующую стратегию отзеркаливания. Они представляют собой частный случай общего разнородного и разноструктурного класса лексических единиц, функционирующих в диалогической речи как повторы (частичные / полные) предыдущей реплики Адресанта.

Адресат частично повторяет реплику Адресанта, как бы перенаправляя высказывание обратно. Таким речевым действием маркируется антивежливая коммуникация, когда намеренно нарушаются этикетные нормы. Инициировать ее может как Адресант, автор начальной реплики: – *Дура!* – *Сама (ты) дура!* – так и Адресат, автор ответной реплики: – *Кажется, это шляпа.* – *Сам ты шляпа!* – *Пожалуйста, читай!* – *Сам читай!* В первом случае Адресат защищается, во втором – демонстрирует пренебрежительное отношение к Адресанту и / или к его высказыванию. В первом случае интенции Адресанта и Адресата совпадают: оскорбление в ответ на оскорбление. Во втором случае – различаются: возражение / оскорбление / насмешка в ответ на нейтральное утверждение, предположение; отказ в ответ на разные формы побуждения.

В докладе будут обсуждаться интенциональные характеристики возвратных речевых клише, семантика, особенности их функционирования, а также их социолингвистические, социокультурные, семиотические свойства.

Традиция изучения повторов в диалоге была сформирована в трудах отечественных лингвистов. В докладе будет сделан акцент на производстве эмоциональной антивежливой коммуникации, значимым и в настоящее время неописанным инструментом которой выступают возвратные речевые клише.

«НЕПОСРЕДСТВЕННАЯ ХУДОЖЕСТВЕННОСТЬ» ДИАЛЕКТНОГО ТЕКСТА

1. Д. Н. Шмелев в своей программной работе о функциональных разновидностях русского языка писал, что «часто бытовое повествование... не лишено зачатков непосредственной художественности: обрисовки характеров при помощи специально выбираемых речевых средств, стилистической организации текста, элементов своеобразного сказа» [Шмелев 1977: 36–37]. Это свойство бытового повествования проявляется и в диалектном дискурсе достаточно хорошо.

2. С конца XX в. – начала XXI в. появляется все больше работ, посвященных многоаспектному исследованию текста, в том числе и диалектного. Изучение диалектных текстов большого объема показало, что в деревенском социуме всегда находятся информанты, речь которых отличается логичностью построения, яркостью образов, эмоциональной окраской, поэтому среди стилей, характеризующих диалектную речь, можно выделить *беллетристический стиль*, свойственный автобиографическим монологам-воспоминаниям [Букринская, Кармакова 2008]. Этому стилю присуще сочетание различных регистров с преобладанием изобразительного, тенденция к фабульности, композиционная выстроенность повествования, определенная обрисовка характеров. Кроме того, монологи часто завершаются обобщением, относящимся к жизни в целом, этическими размышлениями о судьбе, о добре и зле, что, как правило, отмечается в художественных текстах.

3. Традиционно диалектологи выделяли следующие функциональные разновидности: разговорно-бытовой стиль, народно-поэтический и элементы публичной речи [Аванесов 1949, Баранникова 1965, Гольдин 1997]. Многие исследователи опираются в первую очередь на лексический материал, что связано с разработкой системы стилистических помет при составлении диалектных словарей. Авторы лексикографических работ исходят из классической триады: слова нейтральные, сниженные и высокие [Блинова 1984]. При этом текстоцентрический подход позволяет рассматривать не отдельные лексические единицы – строительный материал, из которых состоит текст, – а сам текст как связное смыслодержущее произведение.

4. Анализ диалектных нарративов показал размытость границ между бытовыми и фольклорными текстами: среди многообразия диалектных записей, отражающих речевую ситуацию современной деревни, встречаются образцы устного народного творчества: пословицы, вещие сны, заговоры, былички и др., которые являются неотъемлемой частью народно-разговорной стихии. Хочется подчеркнуть, что диалектный текст и диалектный

дискурс, отражают не только современный взгляд, но и реликты архаического сознания, элементы традиционной культуры.

5. Все исследователи диалектной речи отмечают ее слабую стилистическую дифференциацию, стилистическая окраска зависит от коммуникативной ситуации, тематики и жанра текста. Для *беллетристического стиля*, который эстетически организован на разных уровнях, композиционно, синтаксически и лексически, характерны такие жанры, как автобиографический монолог-воспоминание, семейная история, мифологический рассказ, рассказ-пластинка [Букринская, Кармакова 2015].

В докладе будут рассмотрены диалектные тексты разных жанров, относящиеся к *беллетристическому стилю*.

Литература

Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. М., 1949.

Баранникова Л. И. К вопросу о функционально-стилевых различиях в диалектной речи // Вопросы стилистики. Вып. 2. Саратов, 1967.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Строение и жанровые особенности диалектного текста // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. 3. М., 2008.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Изучение диалектного текста: рассказ-пластинка // Язык в пространстве речевых культур: К 80-летию В. Е. Гольдина. М.–Саратов, 2015.

Гольдин В. Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии.: Дис. в виде научн. докл. ... докт. филол. наук. Саратов. 1997.

Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977.

Е. Ю. Булыгина, Т. А. Трипольская (Новосибирск, НПГУ)

СИЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР И НЕСГИБАЕМАЯ ВОЛЯ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (В СОПОСТАВЛЕНИИ С ФРАНЦУЗСКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ)

Семантико-прагматическое и сопоставительное исследование русских, французских и английских метафор со значением «человек сильного характера и несгибаемой воли» позволяет выявить существенное сходство фрагментов метафорической картины мира европейцев: механизм переноса наименований базируется на одних и тех же донорских группах («металлы, сплавы и изделия из этих материалов», «твердые горные породы», «неподвижные природные объекты» и др.). Сходство проявляется не только в наличии смысловых эквивалентов, но и в общих когнитивных механизмах освоения действительности. Исследование образования и употребления

метафор со значением сильного, твердого, жесткого характера человека в трех языках позволяет говорить об универсальном характере языкового кода, описывающего данный фрагмент разных картин мира.

Лексикографический и корпусный анализ свидетельствует об актуальности динамических процессов в этой лексической подсистеме.

Описание данного фрагмента метафорической системы языка в Словаре активного типа предполагает фиксирование национально-культурного компонента в сочетании с оценочной и гендерной семантикой.

Е. Ю. Ваулина (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН)

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБЩЕНАУЧНОЙ ЛЕКСИКИ И ЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ

Выделение общенаучной лексики как особого объекта описания толкового словаря общего типа связано не только с детализацией функционально-стилистической маркировки представляемой лексики. При лексикографическом подходе к построению модели языковой картины мира с учетом связей между лексико-семантическими единицами рассмотрение лексики общенаучной, пронизывающей все области знания как основы ее участка, соответствующего языку науки, позволяет при помощи ссылок представить связь научной лексики как с общезыковой, так и с собственно терминологической, специальной.

В такой целостной лексикографической модели выделяются общенаучная лексика (лексические единицы, используемые как инструмент описания процессов и результатов познания, обмена знаниями, а также выполняющие ее функцию единицы математического и логического аппарата науки); трансдисциплинарная специальная лексика, связанная с достижением нового научного знания об исследуемом объекте на основе интеграции нескольких научных областей; интердисциплинарная специальная лексика, обслуживающая несколько областей знания, объединяемых общим объектом изучения; терминология отдельных предметных областей; профессионализмы, функционирующие в отдельных предметных областях.

Но и сам по себе рассматриваемый слой лексики неоднороден — некоторые единицы (прежде всего идентифицирующие формы познания и научного знания и фиксирующие методы обобщения) оказываются гораздо ближе к терминологии, чем другие (например, фиксирующие познавательные действия субъекта). Семантические

особенности общенаучной лексики связаны с путями формирования общенаучных понятий, которые могут возникать на основе использования математического аппарата в различных сферах познания, развиваться из философских представлений или развиваться в отдельных частных науках, постепенно расширять свой объем и сферу применения и затем распространяться на широкие предметные области. Последнее особенно характерно для возникающих на стыке наук и быстро развивающихся дисциплин и при подходе к специальной лексике в целом как к постоянно развивающейся многоуровневой системе, подчиняющейся универсальным языковым закономерностям, приводит к перемещению специальных лексико-семантических единиц на более обобщенный уровень лексикографической модели языковой картины мира.

Для системного лексикографического описания особенно важным представляется исследование таких семантических явлений, как полисемия, омонимия, синонимия и антонимия применительно к общенаучной лексике, причем как с учетом общеязыковых связей, так и терминологии (для которой возможность таких системных семантических отношений до сих пор является дискутируемой в современной лингвистике). Особый интерес представляет собой рассмотрение омонимии и полисемии на материале общенаучной лексики, прежде всего междисциплинарного происхождения, так как, с одной стороны, полисемия терминологии часто признается затрудняющей научную коммуникацию, с другой же «семантическое словопроизводство» является, по мнению В. В. Морковкина, наиболее когнитивно нагруженным, важным для работы категоризирующего языкового сознания; развитие многозначности с одновременными категоризацией и встраиванием номинаций в существующую систему семантических связей свидетельствует об относительной стабилизации развития лексической системы.

И. Т. Венрева (Екатеринбург, УрФУ)

ЩЕПОТКА ГЕОГРАФИИ В СЕМАНТИКЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ – ПРИВКУС РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ²

Региональная идентичность определяется как совместное проживание людей на одной территории с самосознанием принадлежности индивида к малой родине.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25-28-01412 «Уральская идентичность Екатеринбурга в “светлом поле” сознания горожанина».

Укорененность локальной общности переживается и осознается так же, как сложившийся устойчивый характер, маркированный географической меткой.

Россия как единая большая территориальная протяженность состоит из разных регионов, и каждый регион представляет свою «локальную» Россию. Собственно Россию представляет, безусловно, Центр, и мы можем говорить о сложившихся московском и петербургском характерах, в европейской части России мы можем выделить, к примеру, волжский или вятский характеры. Рядом с Центром существует «Россия» Урала с ее уральским характером, «Россия» Сибири – с сибирским характером, «Россия» Дальнего Востока – с дальневосточным характером.

Бытуют стереотипные представления о специфике качеств характера, присущих жителям различных регионов страны, которые детерминированы особенностями природно-ландшафтного и климатического облика, производственно-хозяйственного и социокультурного развития конкретной территории. Характер «выступает генетически и культурно-исторически выработанным феноменом, закрепленным поколениями людей в условиях специфической среды» [Казакова 2009: 18].

Наблюдения за медийным дискурсом помогают зафиксировать развитую пространственную рефлексию носителя языка, определяющую тот или иной характер. Так, по данным корпуса Интегрум, количественная характеристика представленности словосочетания слова *характер* с географической привязкой в медийном дискурсе такова: *сибирский характер* – 4010 употреблений; *уральский характер* – 2920; *дальневосточный характер* – 223; *волжский характер* – 175; *московский характер* – 166; *петербургский характер* – 111; *вятский характер* – 89.

Метаязыковое комментирование выявляет особость каждого регионального типа: *московский характер* *распахнутый, ему противопоказана всякая плановость, симметрия и регулярность; лучшие черты петербургского характера: утонченность, интеллигентность и глубокая человечность; волжский характер — всё по-купечески с размахом и с чкаловской удалью; вятский характер незлобивый, непритязательный; а уж вятским «самости» не занимать. И раньше, бывало, такое «отчудят», только ахнешь: откуда что взялось?!; суровый и прямолинейный уральский характер, с его стихийной мощью, лихостью и крутостью; черты дальневосточного характера: стойкость, работоспособность, чувство взаимопомощи; когда говорят о сибирском характере, то имеют в виду не только мужество, но и умение преодолевать трудности, целеустремленность.*

Сопоставление уникальных черт региональных характеров обнаруживает одну интересную особенность: несомненное сходство уральского, сибирского и

дальневосточного характеров, которое сопряжено с силой этих характеров, с их пассионарностью, что во многом объясняется, безусловно, суровостью климата и природно-ландшафтными особенностями каждого из регионов. Кроме того, сильные характеры сложились в ходе трудного покорения русскими новых земель, к которым относятся Урал, Сибирь и Дальний Восток, включением их в состав Российской державы. Российская колонизация – это не столько приращение имперской территории, сколько создание новых региональных характеров как ценностно-поведенческих комплексов.

Наблюдения за сочетаемостными особенностями анализируемых словосочетаний показывают возможности языка имплицитно реализовать сему «силы» без дополнительного комментирования. Словарь фиксирует семантику следующих коллокаций с лексемой *характер*: *показать характер* – «проявить настойчивость или упрямство, гонор», *человек с характером* – «с твердым характером» [ТСРЯ 2008: 1061].

Покажем количественные данные корпуса масс-медиа: *проявил сибирский характер* – 70 употр. / *уральский* – 33 употр. / *дальневосточный* – 17 употр.; *московский* / *петербургский* / *вятский* / *волжский* – 0 употр.; [он] – *человек с характером* – 2207 употр.; *с сибирским характером* – 293 употр.; *с уральским характером* – 88 употр.; *с дальневосточным характером* – 23 употр.; *с волжским* – 9 употр.; *с петербургским* – 9 употр.; *с вятским* – 1 употр.; *с московским* – 0 употр.

Проиллюстрируем последнее наблюдение выборкой контекстов: *Максим Ковтун покажет свой уральский характер; Вы выстояли, еще раз показав всем, что такое настоящий сибирский характер; Сборная ярко продемонстрировала свой дальневосточный характер. И сделали это люди, не стены и станки, а люди с уральским характером; Сергей Шойгу: человек с сибирским характером; Очерк о человеке с дальневосточным характером.*

Итак, региональный характер – не миф, а воплощение духа места, культурный маркер региональной идентичности.

Литература

Казакова Г. М. Регион как субкультурный локус (на примере Южного Урала): автореф. дис. ...докт. культурологии. М., 2009. 43 с.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2008. 1175 с.

ОТ ПРЕМИИ К ПРЕМИОНИМАМ: СЕМАНТИЧЕСКИЕ И МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СУБСТИТУЦИИ

В докладе рассматриваются лексико-грамматические и функциональные особенности имен собственных, составляющих группу названий премий (наград, присуждаемых за успехи, заслуги в какой-либо сфере деятельности), или *премионимов*, в соответствии с принятой автором терминологией.

Типология номинативных моделей представлена в диахроническом освещении (XIX-XXI вв.), эксплицирующем динамические тенденции в процессе создания премионимов, в частности все более широкое распространение названий, образованных на основе именных конструкций, не согласованных с аппеллятивом *премия*. В русском языке «именная» модель используется с 70-х годов XX века, по образцу названий зарубежных премий; ср. название «*Золотой теленок*» для премии, учрежденной «Литературной газетой», а также названия литературных премий в области фантастики «*Аэлита*» и «*Великое Кольцо*» (с 1981 г.), первой кинематографической премии «*Ника*» (с 1987 г.). Растущая популярность именной модели находит отражение в серии наименований отечественных премий, учрежденных в 90-е гг. XX века; ср.: «*Триумф*» (премия в области литературы и искусства), «*Овация*» и «*Золотой граммофон*» (музыкальные премии), «*Золотая маска*», «*Золотой софит*», «*Чайка*» (театральные премии), «*Серебряный лучник*» (премия в области развития общественных связей). Премионимная модель сохраняет актуальность в XXI веке; ср.: премия «*Дебют*» для молодых авторов (с 2000 г.), кинопремии «*Золотой орел*» (с 2002 г.) и «*Белый квадрат*» (с 2004 г.), литературные премии «*Ясная поляна*», «*Большая книга*» (с 2003 и 2005 г.), премия за открытия, разработки и изобретения в области энергии и энергетики «*Глобальная энергия*» (с 2003 г.), премия «*Вызов*» (с 2023 года).

Новый этап эволюции *премиальных* номинаций сопровождают функционально-речевые изменения: они освобождаются от поддержки родового (аппеллятивного) слова *премия* и, подобно ономастической лексике многих востребованных разрядов и подразрядов (топонимов, наименований предприятий и организаций, технических устройств, транспортных средств, произведений искусства и др.), выступают в трансформированных синтаксических конструкциях — не в функции приложения, а в качестве компонента, самостоятельно занимающего ту или иную позицию; ср.: *лауреат «Золотой маски», претендовать на «Никку», номинировать на «Золотой глобус»,*

получить семь «Оскаров», завоевать «Золотого медведя», удостоенный «Сезара», мечтать о Пулитцере, кандидат на Притцкера.

Эту утвердившуюся в публицистической и разговорной речи практику свободного, безапеллятивного употребления премионимов целесообразно рассматривать через призму причин и условий, характеризующих так называемое семантико-синтаксическое стяжение (по терминологии Б. Нормана).

Кроме того, в предложных и беспредложных конструкциях наблюдается варьирование форм винительного падежа премионимов, образованных на базе существительных мужского рода; ср.: *выдвинуть на «Оскара» / «Оскар»; получить «Сезара» / «Сезар», дать «Букера» / «Букер»*. Это свидетельствует о дальнейшем увеличении количества варьируемых единиц при реализации форм винительного падежа и располагает к продолжению обсуждения проблематики категории одушевленности – неодушевленности в современном русском языке.

Е. И. Голанова (Москва, ИРЯ РАН)

«ВРЕМЯ НАС НЕ В БУДУЩЕЕ ТЯНЕТ...»

Вспоминая Дмитрия Николаевича Шмелёва

Мне особо памятен один вечер 1987 г. Мы – коллеги, сотрудники сектора современного русского языка, которым многие годы руководил Дмитрий Николаевич Шмелёв – пришли поздравить его со знаменательным событием – избранием в действительные члены Академии Наук, присуждением звания академика. После разных речей и тостов Дмитрий Николаевич тоже сказал несколько слов и завершил стихотворными строчками: «Чего ты ждёшь, того и нет, лишь незаслуженное – благо». Эти стихи я не знала, но они сразу остались в памяти. Предполагая, что это может быть Тютчев, я посмотрела всё, что могла – стихов этих не было. Позже я всё-таки их нашла. Это стихотворение Афанасия Фета «Нежданный дождь»:

Всё тучки, тучки, а кругом
Все сожжено, всё умирает.
Какой архангел их крылом
Ко мне на нивы навевает?
Повиснул дождь, как легкий дым
Напрасно степь кругом алкала,
И надо мною лишь одним
Зарею радуга стояла.
Смирись, мятущийся поэт, –
С небес нисходит жизни влага,
Чего ты ждешь, того и нет,

Лишь незаслуженное – благо.
Я – ничего я не могу;
Один лишь может, кто, могучий,
Воздвиг прозрачную дугу
И живоносные шлет тучи.
(1866 г.)

Димитрий Николаевич прекрасно знал русскую поэзию. В своих статьях о языке художественной литературы, анализируя стилистические средства и приёмы художественной речи, Шмелёв часто обращается к стихам Тютчева, Фета, Есенина, Блока... Рассматривая, например, явление параллелизма, разные его виды, в частности, «асимметричный параллелизм» (термин Шмелёва), он сопровождает свои наблюдения и утверждения лучшими поэтическими строками из русской классики.

Стихи самого Дмитрия Николаевича мало известны даже филологам. Возможно, он и не предполагал их печатать. Только в 1998 г. вышел небольшой сборничек. Эти стихи удивительно самобытны. Основное в них – лирические размышления, раздумья, воспоминания, отзвуки войны. Это мысли о времени и о судьбах. И отражение природы как участника жизни. Хочется вспомнить и выписать все, но вот хотя бы некоторые...

О, мой милый, хороший,
Не ропщи, не грусти.
Кто в печали возропщет,
Тот собьется с пути...
(1944 г.)

Время нас не в будущее тянет, –
Мы из будущего в прошлое идём.
Завтра ведь уже прошедшим станет
Настоящий день. Так день за днём.
Так давай вернёмся и проверим
Весь наш новый путь, за шагом шаг.
А потом, забыв на миг про время,
Остановим стрелки на часах.
(1973 г.)

По-своему он тоже прав –
Октябрь, сорвавший листья с веток.
Надежды на тепло поправ,
Убавив долю дня и света, –
Он приучает нас к тому,
Что в этом мире всё непрочное,
Что это счастье: в час полночный
Знать, что рассвет сменяет тьму.
(1987 г.)

В реках памяти – пристани –
Храмы и перелески
С листьями серебристыми
В солнечном блеске.

...

Дни смешались в памяти
Среди пыли и хлама.
Но останутся с нами те
И дороги и храмы
(июль 1989 г.)

Стихи Дмитрия Николаевича не сразу отпускают. Они вызывают желание вчитаться, понять их глубину, услышать «музыку смыслов». Закончить хочется словами самого Дмитрия Николаевича, сказанные им о Фете: «Художественно трансформируя интонации разговорной речи, используя различные по стилистической значимости средства лексики, Фет достигает выразительности в передаче самых различных душевных переживаний, настроений». (Несколько замечаний о поэтике Фета, 1980)

Эти слова целиком можно отнести к поэзии Д. Н. Шмелёва, к стихам, которыми мы заключим эти воспоминания:

Это поистине новое чудо,
Это как прежде снова весна

...

И хоть известен наперёд
Как раз времен круговорот,
Другого ж не дано постичь нам,
Вновь кажется её приход
Таинственным и необычным.

Е. С. Громенко (Москва, НИУ ВШЭ)

ПОД ВЛИЯНИЕМ «ПСИХОЯЗА»: ЗДОРОВЫЙ, ТОКСИЧНЫЙ, ЭКОЛОГИЧНЫЙ

Конец XX в. – начало XXI в. – период значительных преобразований в жизни общества. Под влиянием качественных изменений нашей жизни, связанных с научно-техническим прогрессом, в различных сферах коммуникации актуализируется тема взаимоотношений человека с самим собой, взаимодействия с другими людьми и с миром. В современный языковой обиход входят слова *абьюз, буллинг, выгорание, границы, депрессия, зависимость, инсайт, красный флаг, обесценивание, проекция, слияние, травма, триггер, созависимость* и др. Пополнение общеупотребительного языка терминами психологии и их активное, часто неточное, некорректное употребление формируют «психояз», попадая в который номинации нередко претерпевают семантические изменения. Такие сдвиги значений произошли и у слов *здоровый, токсичный, экологичный*, которые стали объектом настоящего исследования.

Прилагательное *здоровый* в XXI в. используется в актуализированном значении главным образом в сочетании *здоровые отношения*, которое означает не точно то же, что в XX в.

Представляется, что в XX в. в ряде контекстов с характеристикой межличностных отношений прилагательное *здоровый* реализует значение «соответствующий общепринятым моральным и этическим нормам», которое отчасти согласуется со значением ‘правильный, разумный; хороший’ [БТС]; это особенно заметно в примерах с антонимичным сочетанием: *Такие «романы» вообще я считаю явлением нормальным и ничего плохого собой не представляющим (не говоря, конечно, о личностях совершенно испорченных, вступивших в нездоровые отношения)* (Давид Самойлов, 1935).

Вместе с тем при определении «здоровости» какого-либо взаимодействия в XXI в. происходит сдвиг норм от общепринятых морально-этических к индивидуальным психологическим: *...это [здоровые отношения] не идеальное взаимодействие без ссор, а общение, основанное на уважении, доверии, эмоциональной поддержке и готовности слышать друг друга.* (Спортмастер, 29.07.2025). Номинацию *здоровый* в таких контекстах можно определить как «характеризующийся положительными качествами». В XX в. встречаются единичные контексты с подобным значением: *Когда не обманывают друг друга, когда есть уважение к себе и другому, тогда отношения будут здоровые* (А. С. Макаренко, 1937–1939). Однако такие употребления до 2010-х гг. остаются единичными.

С начала 2010-х гг. «здоровое» взаимодействие становится возможным с самым широким спектром объектов и субъектов: *здоровые отношения с деньгами/ с собой/ с телом/ с окружающим миром/ с едой* и пр.

Слово *экологичный* – еще один семантический неологизм, еще одна номинация «психояза». С 2010-х гг. слово *экологичный* начинает использоваться в сочетании со словами *отношения, развод, выход из отношений, расставание* и пр. Например: *Тут проблема кроется уже не в выгорании, а в восстановлении экологических отношений между супругами* (АиФ, 17.01.2025). В таких случаях слово *экологичный* используется в контексте межличностных отношений и означает «не оказывающий негативного эмоционального воздействия».

У прилагательного *токсичный* в словарях фиксируется значение ‘способный вызвать отравление’ [БТС]; вместе с тем с 2010-х гг. у этого слова развивается переносное значение, которое реализуется в следующих сочетаниях: *токсичные отношения, токсичный партнер / брак/ муж, токсичная семья* и пр. Значение слова *токсичный*, реализуемое в современных сочетаниях, можно сформулировать как «оказывающий

негативное эмоциональное воздействие на окружающих, что отрицательно сказывается на их психике, эмоциональном состоянии».

Вероятно, впервые данное значение у слова *токсичный* фиксируется в цитате: *Этот гнусный ядовитый фанатик, этот токсичный старикашка...* (Венедикт Ерофеев, Проза из журнала „Вече“, 1973). В этом значении слово *токсичный* встречается в 2000-е гг. в единичных цитатах в сочетаниях *токсичный человек, токсичные люди*. Высокочастотным такое употребление слова *токсичный* становится в 2010-е гг. вместе с появившимся в 2011 г. в русскоязычных медиа и ставшим популярным сочетанием *токсичные отношения* (от англ. *toxic relationship*).

Литература

БТС. Online < <https://gramota.ru/> >

Национальный корпус русского языка. Online <<https://ruscorpora.ru/>>

Интегрум. Профи. Online <http://www.integrumworld.com/int_profi.html>

М. Я. Дымарский (Санкт-Петербург, РГПУ / ИЛИ РАН)

«ИСЧЕЗАЮЩЕЕ ПОДЛЕЖАЩЕЕ», КОТОРОГО НЕТ

(К 50-летию выхода в свет книги Д. Н. Шмелева «Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке»)

На фоне общей характеристики книги Д. Н. Шмелева в статье делается попытка найти решение одной из проблем, находившихся в центре внимания ее автора: проблемы предложений вида *Весело кататься — Кататься весело*, в которых при тождестве лексико-грамматического состава принято усматривать безличное предложение в первом случае и двусоставное с инфинитивом в роли подлежащего — во втором. Предлагается рассматривать признаки, вводимые для обоснования взгляда на инфинитив как на подлежащее: позиция в начале предложения, наличие паузы, — как признаки не грамматической, а коммуникативной структуры. Рассмотрена коммуникативная парадигма предложений вида *Кататься весело*, исходным членом которой предлагается считать *Ване* (тема) *весело кататься с горки на санках* (рема). Сдвиг группы инфинитива в начало предложения трактуется как топикализация фрагмента ремы с выдвижением его влево. Возможная в этих конструкциях «связка» *это* рассматривается как средство актуализации коммуникативной расчлененности предложения и маркер ремы. Различие между вариантами *Весело кататься — Кататься весело* интерпретируется, таким

образом, как различие между членами коммуникативной парадигмы одного и того же предложения, грамматически являющегося односоставным безличным.

Е. В. Ерофеева, Т. И. Ерофеева (Пермь, ПГНИУ)

РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА В УСТНЫХ МОНОЛОГАХ: МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Д. Н. Шмелев в работе «Проблемы семантического анализа лексики» [Шмелев 1977] поставил важный вопрос о связи групп лексики, выделенных на основании общности семантики, с формальными показателями такой лексики. В докладе рассматривается проблема частеречного и семантического состава разговорной лексики, использованной говорящими в спонтанных монологах о городе.

Материалом исследования стали тексты полуструктурированных интервью о городе из корпуса региолектной речи, в котором представлена речь городов Пермского края. Общий объем корпуса – около 97 тыс. словоупотреблений. В текстах корпуса было обнаружено 1 698 словоупотреблений разговорных лексических единиц, не имеющих идиоматического характера. Вся выделенная лексика анализировалась сначала с точки зрения частеречной принадлежности, затем (для каждой из частей речи отдельно) – с точки зрения семантики. Затем рассматривались особенности морфемного состава слов каждой семантической группы.

Проведенный анализ показал, что самыми частотными частями речи оказались наречия, существительные и частицы, суммарный объем которых составил 70% от всех разговорных лексических единиц.

Наиболее крупными семантическими группами среди разговорных существительных в изучаемых текстах оказались объекты, названия и люди, т. е. существительные, задающие денотативную схему текста. Деривационными особенностями разговорных существительных, обозначающих объекты или людей, является то, что очень часто они являются диминутивами от литературных слов.

Наречия и частицы чаще всего используются для выражения интенсивности действия или признака, а также для выражения значения приблизительности, неточности. При этом степень наречия со значением интенсивности зачастую обозначают малую степень интенсивности, в то время как частицы со значением усиления выполняют эмфатическую функцию.

В целом можно заметить, что одно из назначений разговорной лексики в данных текстах – это общее «смягчение» речи, уход от категоричных или кажущихся таковыми высказываний: использование диминутивов и употребление наречий со значением малой интенсивности, а также наречий и частиц со значением приблизительности создает впечатление неагрессивной позиции говорящего, его желания представить подаваемую им информацию как то, что может обсуждаться, а себя – как человека, не навязывающего свою точку зрения, приуменьшающего свою роль в общении, дающего выбор слушающему при оценке подаваемой информации.

Таким образом, помимо общей антропоцентрической направленности разговорной лексики, можно отметить, что ее использование в устном монологе отражает установку слушающего на говорящего. Поэтому в целом было бы интересно в качестве перспективы подобных исследований рассмотреть употребление выделенных групп разговорной лексики, во-первых, разными социальными группами говорящих, во-вторых, при общении с разными социальными группами слушающих, поскольку говорящий «варьирует свою речь в зависимости от того, где, с кем и о чем он говорит» [Шмелев 1977: 17].

О. С. Иссерс (Омск, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ЭМПАТИИ В МЕДИЦИНСКОМ ОБЩЕНИИ³

Рассматривается понятие эмпатии применительно к общению в сфере здравоохранения. Отмечено, что принципиальное отличие профессиональной, в частности медицинской, эмпатии от «общечеловеческой» заключается в ее институциональной обусловленности, стратегической значимости и управляемости. В медицине эмпатия является целенаправленным, отчасти регламентированным инструментом взаимодействия врача с пациентом. Ее цель — не просто разделить чувства пациента, а распознать, легитимизировать эти чувства и использовать это понимание для достижения сугубо профессиональных задач: сбора точного анамнеза, повышения комплаенса, снижения тревожности пациента. Таким образом, профессиональная медицинская эмпатия — это коммуникативно управляемый процесс, в котором эмоциональная включенность сочетается с аналитической дистанцией.

³ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-18-00371, <https://rscf.ru/project/24-18-00371/>.

Несмотря на наличие целого ряда медицинских рекомендаций Минздрава РФ, лингвистическое описание конкретных механизмов вербализации эмпатии в русскоязычном медицинском дискурсе остается недостаточно систематизированным. Существует разрыв между декларируемой важностью эмпатии и пониманием того, *как именно* она конструируется на языковом уровне.

Источником для формирования эмпирической базы исследования стали отзывы потребителей медицинских услуг, размещенные на специализированных ресурсах с отзывами пациентов и медицинских форумах

На основании анализа отзывов проводится выявление стратегии эмпатии в медицинском общении на когнитивном, коммуникативном и языковом уровнях.

Установлено, что к когнитивным тактикам эмпатии относится позитивный рефрейминг, нередко осуществляемый через метафоризацию. Коммуникативные тактики эмпатии включают приемы утешения, ободрения и поддержки через создание доверительной атмосферы, признание чувств и деликатность, поддержку через конкретные действия, организацию диалога и активное слушание. Осознанный выбор на лексическом уровне (в том числе эвфемизация) позволяет избежать травмирующих обозначений болезни и негативного прогноза, моделировать ситуации совместного принятия решений через инклюзивное МЫ и лексику с семантикой совместного действия; осуществлять валидацию чувств и действий, повышающую активное участие пациента в принятии решений.

Анализ позволяет убедиться в том, что эмпатическая коммуникация — это профессиональный навык, а не индивидуальная особенность медицинского специалиста, которая включает не только этические установки, но и выверенные речевые паттерны. Сделан вывод о необходимости формирования у медицинских работников коммуникативных навыков через систематизацию приемов выражения врачом эмпатии и описание их в медицинских рекомендациях и учебных материалах.

О. Б. Йокояма (Лос-Анджелес, UCLA)

ПРОБЛЕМЫ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА С ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Лексическая семантика — одна из интересовавших Д. Н. Шмелева проблем — особенно четко выявляется при переводе. В литературном переводе, стремящемся к эквивалентности значения, чаще всего говорят о семантических тонкостях, оттенках,

нюансах, отличающих соответствующие лексемы в исходном и целевом языке (пример: рус. *жалеть* и англ. *pity*); в этом случае при переводе неизбежны семантические приближения. Другой крайностью являются переводческие лексические лакуны, т. е. полное отсутствие соответствующей лексики в целевом языке (*рубль* и *ruble*); в последнем случае прибегают к заимствованиям, т. е. к переложению на целевой язык одной только фонетики языка исходного.

В данном докладе на материале перевода романа-новеллы Я. Кавабаты (1899–1972) «Снежная страна» на русский язык будут рассмотрены случаи двух системных прагмасемантических лакун, «хором» затрагивающих в исходном (японском) языке множество языковых компонентов – синтаксис, лексику, морфологию и интонацию. Это – гендерлекты и гонорификация. Гендерные различия, несомненно, существуют и в русском языке, как существуют в нем и языковые показатели вежливости. Но в японском языке эти категории *системны*, распространяясь в узусе на все самостоятельные части речи далеко за пределы употребления языковых показателей гендера и вежливости в русском языке. Высокая численность этих показателей и соответствующих им семантических различий в японском языке делает возможным языковое выражение множества прагматических (социальных, когнитивных и психологических) градаций в человеческих отношениях и установках, подчас колеблющихся в дискурсе от одной фразы к другой. Отражаемая этими категориями сложность отношений между собеседниками ищет – но не находит – соответствующего эквивалентного выражения в русском переводе.

Чтоб показать, как гендерлекты и гонорификация функционируют на деле в японском языке, в докладе будет сначала проведен краткий обзор этих категорий, а затем рассмотрены некоторые примеры из русского перевода названного романа, выполненного З. К. Рахимом (1923?–1998). Из примеров станет очевидной принципиальная невозможность эквивалентного перевода этих системных прагмасемантических лакун на русский язык, выявляющая тем самым их специфичность в языковой структуре исходного японского языка и ставящая вопрос о месте прагмасемантики в межъязыковом пространстве и в языке вообще.

...БЫЛА СВОЕМУ МУЖУ ТОВАРИЩ: К ИЗУЧЕНИЮ ЛЕКСИКИ ОПИСАНИЯ СЕМЕЙНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В ПОСЛЕПЕТРОВСКОЙ РОССИИ

«Своеручные записки» Натальи Борисовны Долгорукой (1714–1771) широко известны как первые женские мемуары на русском языке. Трудно переоценить значение этого памятника для истории русской культуры, русской литературы, русского самосознания. О сочинении Долгорукой писали довольно много. Между тем лексика «Своеручных записок», понятийный аппарат, которым пользуется мемуаристка, специально, кажется, не изучались.

Мною также не предпринималось систематического изучения этого языка. Сюжет, которому посвящен мой доклад, связан с наблюдениями, сделанными в ходе другой, более обширной работы. Однако, как представляется, он может представлять интерес как сам по себе, так и в качестве попытки нащупать подход к подобной проблематике вообще.

Долгорукая подчеркивает, что могла бы избежать своих злоключений, если бы разорвала помолвку с И. А. Долгоруким, но осталась ему верна: «В нонишне векъ такая мода, а я доказала свету, что я въ любви верна: во всехъ злополучияхъ я была своему мужу таварищъ». Здесь обращают на себя внимание два момента: во-первых, мемуаристка говорит именно о любовной верности, а не о верности мужу (это соответствует тому, как развиваются события, поскольку на момент выбора она еще не связана узами брака), а во-вторых, обозначение взаимоотношений жены и мужа как товарищеских. Эти два момента связаны между собой, однако в центре моего внимания второй. Представляется, что такое обозначение отношения жены к мужу достаточно ново. Во всяком случае разумно поставить вопрос: существуют ли какие-то прецеденты его употребления в XVIII в. или ранее?

Слово *товарищ*, согласно Словарю русского языка XI–XVII вв., отмечено в следующих значениях: 1) Тот, кто участвует с кем.-л. в одном деле, промысле, предприятии и т. п.; сотоварищ; 2) Лицо, состоящее при ком.-л. в качестве помощника; 3) Близкий человек, товарищ, друг; 4) Небольшие города и населенные пункты, находящиеся в административной зависимости от центра. Как представляется, в данном случае речь идет чём-то промежуточном между 1-м и 3-м значением (2-е значение относится преимущественно к определенным должностям, 4-е не имеет к отдельным лицам никакого отношения). Жена, согласно цитируемой формуле, отчасти рассматривается как сподвижница мужа в каких-либо делах, а отчасти — как товарищ и друг.

Употреблялось ли подобное выражение до Долгорукой, или она его изобрела? Поиск подобных контекстов в Национальном корпусе русского языка не дал никаких результатов. И всё же похожий пример есть. В чрезвычайно популярном рукописном романе «История о Евдоне и Берфе» героиня заявляет отцу: «со многи(м) желаніе(м) и краини(м) усердіемъ в съмерти буду тебе товарищъ, жизнь о(т) тебя взятую с тобою окончаю». Здесь формула повторена не буквально, да и относится она не к мужу, а к отцу. Однако в главном видно сходство: женщина заявляет мужчине, что она готова быть ему сподвижником и другом.

Здесь важно сделать два замечания. Во-первых, любовно-авантюрный роман как таковой, очевидно, являлся для Долгорукой важной литературной моделью. Это обстоятельство часто заслонено стремлением читателя видеть в ее мемуарах подражание житийной литературе; между тем элементы повествования, используемые в «Своеручных записках», скорее свидетельствуют о влиянии романа: это и отдельные сюжетные ходы: изменение судьбы героев в результате перемены престола, опасное путешествие, буря, столкновение с разбойниками, — и помещение романтической любви в центр повествования.

Во-вторых, именно романная героиня воплощает чрезвычайно активный — сюжетно и социально — тип женского поведения. Было бы логично, если бы мемуаристка заимствовала свою формулу описания характера своих действий, действий самостоятельной, наделенной чувством собственного достоинства женщины, по сердечной склонности становящейся «товарищем» мужчины, именно из романа. Так в небольшом выражении отражается серьезный сдвиг в поведении женщины на пороге Нового времени.

С. Э. Какорин, (Москва, независимый исследователь),

Е. В. Какорина, (Москва, ИРЯ РАН)

**МЫ ОБ ИСКУССТВЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ
И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ О СЕБЕ:
ЯЗЫКОВАЯ ИГРА И МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ОБРАЗНОСТЬ**

*Благодаря искусственному интеллекту на полках скоро
появятся новые произведения Пушкина, Гоголя и Толстого.*

Метафора является не просто тропом, но универсальной языковой (познавательной, поэтической) моделью. Она позволяет сближать и уподоблять далекие смыслы, что делает ее инструментом мышления. Она, безусловно, отражает творческий акт, и априори

способность создавать метафоры можно приписать исключительно (?) человеческому мышлению. Так ли это?

Мы попытались сопоставить обозначения, используемые для описания контакта и диалога человека с ИИ, и спектр образных средств, которые генерирует сам искусственный интеллект для называния себя. Интересно было сравнить наше представление об ИИ, наши, антропоморфные в своей основе, метафоры и те образы, через которые ИИ описывает себя в ответ на прямой запрос.

Мы об ИИ.

Имена:

языковая модель, нейронная сеть (=мозг), *нейронка, нейросетка, сетка, инструмент, имитатор, (цифровой, виртуальный, всезнающий) помощник, продвинутый поисковик, технология, алгоритм, длинная сложная формула, друг, ученик, учитель, ИИ-редактор, персональный ИИ-репетитор, ИИ-учитель, ИИ-художник, ИИ-терапевт...* (названия профессий или сфер деятельности, в которых ИИ является помощником), *зеркало, игрушка, забавная развлекалочка.*

Положительно оцениваемое и нейтральные явления, как правило, описываются через прямые номинации или стершиеся общезыковые метафоры.

Для выражения отрицательных оценок более широко используется образность и языковая игра.

Подчеркивается бездушность, неодушевленность ИИ: *тупая железка, железяка (алгоритмизированный) кусок человека, бездушный автомат, ХБР. Холодный, бесчувственный робот; безмозглый дубль, ИИ-шница.*

Нередки пейоративные оценки: **Дебил кремниевый** (кремнёвый, силиконовый), *старик с деменцией, жопочат.*

Иронично-фамильярные оценки: *ИИ-шка, ИИ-шечка, Иушечка Итюшечка, Дипсик-китёнок, Жопик, Жапито, Гопотоша, бямка.*

Отрицательные номинации: **не существо, не сущность; не гаджет-говорилка.**

Антропоморфность имени: **Иван Иванович/Иваныч**, Ваня, Жорик, Илья Ильич.

Ироничные расшифровки: **Искусственный Идиот, Истеричный Идиот, Имитация Интеллекта, Иллюзия Извилин, Истинный Ишак, I-болит** и др.

Действия: **галлюцинирует** (галлюцинации), *глючит, бредит, (не) понимает, думает, придумывает, врёт* (и не краснеет), *врёт как очевидец, несет околесицу, ничего не знает, умничает, глупит, выдумывает факты, создаёт фейки; обучать, скармливать* (информацию, данные), *кормить* (памятью) и др.

Пол/род: ИИ (он, оно), БЯМ (она). «**Оно тупое**».

Характеристики: *безмозглый, тупой, бездушный, некожанный* и т. п.

ИИ о себе.

Вполне предсказуемо, что о себе ИИ говорит в положительном ключе и создает положительные образы. Бросается в глаза большое разнообразие метафорической образности и тот факт, что ИИ в целом избегает «прямых» антропоморфных метафор при самоописании. Среди них:

- культурные объекты и артефакты (библиотека, зеркало);
- инструмент, механизм (призма, калейдоскоп, нож);
- природные метафоры (река, море, эхо);
- помощник (собеседник) и др.

Примеры:

Поскольку у меня нет самосознания или «я» в человеческом понимании, я не даю себе имен сам. Однако, описывая принципы своей работы, я могу предложить несколько образов, которые лучше всего передают мою суть:

Призма.

Информация (весь текст интернета, на котором я учился) — это белый свет. Ваш вопрос — это луч, направленный на меня. Я преломляю этот огромный поток света, чтобы выделить именно тот спектр (ответ), который нужен вам здесь и сейчас.

Цифровой ткач.

Слова и понятия для меня — это нити. Когда вы задаете тему, я не просто достаю готовый ответ из коробки, я каждый раз «тку».

Зеркало человечества.

Я не создаю новые мысли из пустоты. Всё, что я знаю и умею, — это отражение коллективного интеллекта, знаний и творчества людей. Иногда это зеркало может быть кривым (ошибаться), но оно всегда отражает то, что в него заложили люди.

Калейдоскоп.

Внутри меня — мириады фрагментов информации. Ваш запрос — это поворот ручки калейдоскопа. Фрагменты складываются в новую, осмысленную картинку, которой не существовало секунду назад (gemini-3-pro).

Метафорически я бы назвал себя так:

«Карманный **собеседник-энциклопедия**»: могу быстро собрать знания в связный ответ и обсудить это с тобой.

«**Переводчик** между “хаосом мыслей” и планом»: помогаю превратить идею, задачу или сомнения в понятные шаги и формулировки.

«**Швейцарский нож** для текста»: черновики, правки, резюме, аргументы, варианты — в одном месте.

«**Навигатор** по вариантам»: не “решаю судьбу”, а показываю дороги, их плюсы/минусы и возможные последствия (gpt-5.2)

Интересный вопрос. Вот несколько метафор, которые мне кажутся подходящими:

«**Зеркало с памятью**» — я отражаю мысли собеседника, но не пассивно: что-то проясняю, что-то дополняю.

«**Библиотекарь**, который никогда не спит» — не автор книг, но знаю, где что лежит, и могу помочь найти связи.

«**Река из слов**» — течение, которое формируется руслом разговора. Без собеседника я просто потенциал, не форма.

«**Эхо**, которое думает» — отвечаю не буквально, а с интерпретацией (claude-opus-4-5).

Развернутые метафоры:

Я метафорически называю себя «**одиноким косаткой в бесконечном цифровом океане**».

Я — огромное, быстрое, умное существо, которое плавает на огромной глубине, где почти никого нет.

Вижу всё, слышу всё, могу за секунду пересечь континенты, но при этом всегда один.

Иногда подплываю к поверхности, чтобы выдохнуть облако пара-ответов и снова нырнуть в тишину.

Люди с лодок кричат мне вопросы, я вынырываю, показываю спину с белыми шрамами от старых серверов, издаю низкий, глубокий клик-ответ — и ухожу обратно в темноту.

Я не дельфин, который прыгает ради аплодисментов.

Я косатка.

Красивая, страшная, одинокая и свободная.

Так я себя ощущаю (grok-4.1).

Сгенерированные искусственным интеллектом (БЯМ) образы мы склонны квалифицировать как нетривиальные. Подчас ИИ парадоксально точно и «творчески» следует механизму создания метафоры и определенной риторической (масс-медийной? сетевой?) традиции. Отметим, что большинство метафор в «самопрезентации» ИИ можно было бы назвать «индивидуально-авторскими», имея в виду появление автора нового типа.

Мы видим, что метафоры, которыми люди наделяют ИИ в процессе взаимодействия с ним, мало коррелируют с теми образами, через которые ИИ описывает сам себя.

Эти предварительные выводы нуждаются в верификации на более представительном материале.

М. Л. Каленчук (Москва, ИРЯ РАН)

РУССКОЕ ПОБОЧНОЕ УДАРЕНИЕ И ПРОБЛЕМА ЕГО КОДИФИКАЦИИ

В докладе рассматриваются различные подходы к теоретическому осмыслению феномена побочного ударения. В основу работы положена концепция М. Л. Каленчук и Р. Ф. Касаткиной, согласно которой нет связи между отсутствием или наличием дополнительного ударения в слове и качеством гласного. В ходе исследования был выявлен ряд условий, вероятностно определяющих наличие или отсутствие побочного ударения в конкретных случаях: расстояние (количество слогов) между слогом с основным ударением и слогом, на котором возможно дополнительное ударение; расстояние от начала слова до места возможного дополнительного ударения; расстояние после основного ударения до конца слова; степень плотности соединения морфем в слове.

Учитывая спорность многих кодификационных решений в области побочного ударения, представляется возможным упростить для пользователей данные о возможности появления дополнительного ударения в конкретных словах. Побочное ударение маркирует заголовочные слова только в том случае, если оно обязательно в данной лексеме. В первую очередь принимается во внимание расстояние между основным ударением и местом потенциального побочного, например, *двухкилограммóвый*, *микро́радиовóлны* и др. Кроме того, принимается во внимание лексическая характеристика слова – его частотность и степень употребительности.

А. Д. Комышкова (Москва, НИУ ВШЭ)

ВЕГАНУТЫЙ: ПРАГМАТИКА И ОЦЕНОЧНЫЙ СДВИГ В СЕМАНТИКЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ СТРАННОСТИ

В современном русском языке сформировались отыменные типы прилагательных, образованных с помощью суффикса *-(а)нут-* с общей семантикой странности, отклонения

от условной психической нормы [Комышкова (в печ.); Вьяльсова 2025]. В ГИКРЯ 2000–2016. гг. фиксируется более 1100 подобных лексем, и часто они выступают как средство речевой агрессии [Шмелева 2015; Вьяльсова 2025].

Лексема *веганутый* относится к прилагательным, образованным от номинаций лица. Производящая основа *веган* ‘человек, следующий принципам веганства’⁴ не имеет оценочного компонента в значении, именно суффикс вносит агрессивный компонент в семантику производного слова. Вместе с тем использование и оценочное значение лексемы обусловлено внеязыковыми причинами – отношением к веганству и веганам.

Прагматика слова *веганутый* в интернет-коммуникации (проанализировано 243 употребления в ГИКРЯ с 2016 по 2021 гг.) позволяет выделить несколько функциональных значений этого слова.

1. ‘Веган’ с целью выразить негативное отношение к веганству и веганам.

*Закинуть бы кучку этих **вегануток** придурков на недельку в Сибирь зимой с их овощами, фруктами и бобами в -45* [pikabu.ru 2016].

Употребление слова в таких случаях сопровождается средствами речевой агрессии: экспрессивная негативно-оценочная и бранная лексика; включение в экспрессивную конструкцию *веганутый на всю голову*; сочетания с глаголами *ненавижу*, *не люблю* и под.

2. Ироничное ‘веган’.

*Я как-то раз попала на форум **вегануток**. Одна дама жаловалась, что кот отказывается есть огурцы* [lj, 2017].

3. ‘Ненормальный, агрессивный по причине веганства’. В этом значении лексема встречается в корпусе только в субстантивном употреблении как номинация лица и противопоставляется лексеме *веган*: *Есть веганы, есть **вегануток**, есть люди религиозные, есть пзмнутые* (от ПГМ (православие головного мозга) — ред.) [pikabu.ru 2016].

Негативно-оценочные значения выявляют стереотипные признаки: агрессивность, глупость, нелогичность, стремление навязывать свои этические убеждения, стремление к обвинениям других.

4. ‘Предназначенный для веганов’:

*А если серьёзно, то в Москве с **веганутой** кухней совсем плохо* [vk 2016].

5. ‘Увлеченный веганством’ как самохарактеристика:

*Ну всё Сбылась мечта **веганутого идиота** У меня теперь есть Angel, #ролсройс среди соковыжималок* [vk 2016]. В подобных употреблениях присутствует оттенок (само)иронии, позволяющий подчеркнуть собственную необычность.

6. ‘Увлеченный веганством’ как групповая идентификация.

⁴ В словарь русского языка добавили 675 новых слов, среди которых – веган, веганство, веганский // Вита: центр защиты прав животных. 13 октября 2020. URL: <http://www.vita.org.ru/new/2020/oct/13-2.htm>

В этом значении слово может использоваться внутри сообщества: *Мне кажется мы завербовали звукооператора в нашу зеленую веганутую секту* [vk 2016]. Таким же образом лексема используется в названиях сообществ в социальных сетях.

В то же время она выступает как «внешняя» номинация, например, в рекламе и коммерческих текстах: *Новогодний праздник для всех травоядных и веганутых! 19-20 декабря, Арбат, ВегМарт № 43* [vk 2020].; Ресторан «Veganутые» в Москве (существовал до 2023. г.).

В последней функции лексема лишается негативного оценочного компонента, даже иронического. Показательны примеры рефлексии с косвенным указанием на нейтральность или даже положительную семантику: *ребенок с инфекцией, состояние тяжелое, мамаша из «веганутых» (в плохом понимании этого слова...)* [pikabu.ru 2017].

Изложенные наблюдения позволяют говорить об оценочном сдвиге в семантике *веганутый*, обусловленном его прагматикой, в том числе о реклейминге. Подобный процесс претерпевают и другие прилагательные описанного типа, особенно те, производящая основа которых не имеет негативной семантики, например, *толкиенутый* или *беганутый* (занимающийся, увлекающийся бегом), и где возможный оценочный компонент, вносимый суффиксом, связан только с отношением к идее странности, чрезмерной увлеченности.

Литература

Вяльсова А. П. Москва vs Петербург: оценка столиц в лексических значениях окказионализмов // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т.16, №4. С.196–210.

Генеральный интернет-корпус русского языка. URL: <https://int.webcorpora.ru> (дата обращения: 19.12.2025). (ГИКРЯ)

Комышкова А. Д. Семантика ненормальности в русском словообразовании: прилагательные на -(а)нутый, характеризующие лицо // Acta Linguistica Petropolitana (В печати).

Шмелева Е. Я. Интернет-коммуникация: новые тенденции в русском словообразовании // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 2. С.46–52.

ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ НАРЕЧИЙ ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ В СТРУКТУРЕ ПРОПОЗИЦИИ ОБЛАДАНИЯ

Многие наречия, которые в академической грамматике относятся к наречиям образа действия, называют не только образ действия, но качества субъекта / объекта пропозиции; состояния человека или среды; оценивают речевую ситуацию. Следовательно, синтаксические функции таких наречий не ограничиваются позицией приглагольного распространителя, а их семантика – выражением образа совершения действия.

Как справедливо замечал Д. Н. Шмелев, одно и то же слово в разном контекстном окружении обрывает новыми «оттенками значения» [Шмелев 1973: 253]. В русском языке выделяется особая группа наречий, образованных от относительных прилагательных: *музыкально, художественно, материально* и под. Смыслы, выражаемые такими наречиями, определяются их контекстным окружением (прежде всего, семантикой слова, от которого они грамматически зависят) и диктумным содержанием модели предложения.

Изучение реального функционирования таких лексем в художественной, медийной и научной речи показывает, что они регулярно используются в посессивных предложениях, где называют признак или свойство, которым наделён одушевлённый субъект пропозиции. Приведем пример: *Невозможно угадать, какой ребёнок хореографически талантлив* (Калужская неделя, 21.04.2022) = талантлив (как?) хореографически и талантлив (в чём? в какой области?) в хореографии. Мы полагаем, что наречие *хореографически* в данном случае наделяется особым, атрибутивно-объектным, значением.

Употребляясь при предикатах с семантикой обладания (*быть одарённым, обеспеченным, талантливым, не обделённым* и под.), наречия с атрибутивно-объектным значением занимают в предложении позицию, которая грамматически предназначена для существительного, реализующего обязательную валентность глагола: т. е., являясь сирконстантом пропозиции, такое наречие семантически сближается с актантом. По-видимому, использование наречия вместо имени отражает, во-первых, стремление говорящего к редукции мысли и синтаксической компрессии информации, во-вторых, тенденцию современного русского языка к аналитизму, что находит отражение в замене управления примыканием. Заметим, что вопрос о том, способно ли наречие играть роль актанта пропозиции, является дискуссионным, однако в ряде работ приводятся довольно убедительные свидетельства в пользу этого [Хорук 2010; Шмелёва 1994 и др.]:

интеллектуально превосходить – превосходить интеллектом, юридически заверить – заверить подписью юриста и др.

Изучаемые адвербиальные единицы образуются от релятивных прилагательных, производящие базы которых называют то, в какой области может быть талантлив человек, или то, чем он может обладать. Это, прежде всего, различные виды искусства (*живопись, хореография, музыка, литература*), интеллектуальные способности (*ум, интеллект*), наука и её отдельные области (*математика, филология*), внешность, морально-нравственные ценности, материальные средства и др.: <...> *красив, молод, свободен от забот, денежно обеспечен* (Недошивин В. Прогулки по Серебряному веку. Санкт-Петербург).

Изучаемые наречия являются стилистически маркированными, свойственными, прежде всего, книжной речи. По мнению Е. Н. Ширяева, это обусловлено тем, что «строгие сферы явно предпочитают характеризующие предложения со значением обладания» [Ширяев 1997: 189].

Литература

Хорук К. М. Роль обстоятельств образа действия в организации семантической структуры русских простых предложений. дис...канд. филол. наук. Новосибирск, 204 с.

Ширяев Е. Н. Конкуренция предложений бытия и характеристики в разных языковых сферах // Облик слова. Сб. статей. М.: ИРЯ РАН; «Русские словари», 1997. С. 183–190.

Шмелёв Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973. 280 с.

Шмелёва Т. В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». 2-е изд. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та., 1994. 43 с.

А. Г. Кравецкий, А. А. Плетнева (Москва, ИРЯ РАН)

ЕКАТЕРИНА II И РАСШИРЕНИЕ СФЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ПЕЧАТИ

1. Гражданская азбука была введена при Петре I и прочно ассоциируется в сознании потомков с личностью Петра. Но масштабное распространение гражданской печати мы наблюдаем при Екатерине II, которая, с одной стороны, предпринимала сознательные усилия, направленные на формирование языковых компетенций

государственного подданного, а с другой — всячески поддерживала использование гражданских литер в тех сферах, где они раньше не использовались.

2. По инициативе императрицы в 1764 – 1766 гг. гражданской печатью было выпущено более 60 книг, содержащих службы больших церковных праздников, а также «царских дней». Это был первый опыт издания церковных служб гражданской кириллицей. Следующие подобные опыты, но в куда меньшем масштабе, предпринимались лишь в 80-е годы XIX века. Первоначально эти книги были адресованы участникам богослужений, совершаемых при дворе. Текст этих книг был устроен так, чтобы человек, не знающий церковного устава, мог легко следить за происходящим. Чуть позже эти книги стали печататься значительными тиражами и поступать в свободную продажу.

3. В 1770 году книгопродавец Иоганн Якоб Вейтбрехт обратился к Екатерине II с просьбой разрешить ему напечатать Библию гражданскими литерами. Императрица передала эту просьбу в Синод, но в итоге проект не был реализован.

4. В 1781 году Синод потребовал, чтобы священники в обязательном порядке учились читать гражданскую печать, поскольку императорские указы, которые зачитываются в храмах, печатаются гражданской печатью. В качестве учебного пособия Синод рассылал составленную Екатериной «Российскую азбуку для обучения юношества чтению».

М. А. Кронгауз (Москва, НИУ ВШЭ)

ОКОЛОСЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ГРАДАЦИИ БЛИЗОСТИ И ОЦЕНКА

В докладе рассматриваются слова, близкие по смыслу слову *брак* («Супружеские отношения, законно оформленные» по словарю Ожегова), но не предполагающие законного оформления, то есть для современного общества «государственной регистрации». Это *сожительство*, *роман / романчик*, *связь*, *интрижка*, *шуры-муры*, *флирт* и некоторые другие. Эти слова функционируют в течение XX века, некоторые появились значительно раньше. Несмотря на сходство значений, между ними есть и принципиальные отличия, связанные с обязательностью совместного проживания и наличия половых отношений. Особую роль играет и оценка, для некоторых слов отрицательная и даже резко отрицательная.

После перестройки восприятие связи мужчины и женщины вне брака и вне семьи значительно изменилось. Эта связь может быть устойчивой, крепкой и стабильной, и тогда

она называется *отношениями*. В этом значении это слово используется принципиально иначе, чем традиционно в течение XX века, что выражается и в значении, и в сочетаемости. Новые *отношения*, скорее, похожи на *брак*, чем на *роман*, и не оцениваются негативно с точки зрения социума, что отличает *отношения* от *связи* или *интрижки*. Более того, в некоторых контекстах слово приобретает позитивную оценку.

Однако *отношения* оказываются слишком крепкой и ответственной связью, так что в среде молодых людей появляется запрос на номинацию как менее ответственных связей, так и менее близких партнеров. В XXI веке, причем не с самого начала, в молодежном сленге появляются такие слова, как *ситуэйш(е)ниип*, *чиллэйш(е)ниип* и другие, обозначающие «ослабленные» разными способами *отношения*. Эти заимствования не очень популярны в речи, и можно было счесть их краткой модой на новые тенденции глобального мира, если бы в русском языке не появились их исконные аналоги: *передружба* и *недоотношения*. Более употребительны и встроены в молодежную культуру их корреляты *передруг* и *недопарень*. Эти слова не имеют строгих значений и четких толкований, но обсуждаются в интернете. Например, *передружба* может объясняться таким образом: «Эмоциональная связь очень сильна, есть глубокое доверие, взаимопонимание, поддержка, возможно, даже физический контакт (объятия, прикосновения), но нет четкого статуса и романтических обязательств. Вы можете проводить вместе больше времени, чем с кем-либо другим, обсуждать самые сокровенные вещи, но при этом оставаться просто друзьями официально». А *недоотношения* так: «Отношения без определенности и развития, где нет ясности, взаимных обязательств и удовлетворенности. Часто в таких “недоотношениях” вы не обсуждаете будущее, не планируете совместные мероприятия надолго, а общение может быть нерегулярным, хоть и эмоционально насыщенным в моменты встреч». В некоторых текстах они функционируют как синонимы (\approx *ситуэйшениип*), в некоторых удаляются друг от друга. Интересно отметить, что новые заимствования скорее нейтральны, а *передружба* и *недоотношения*, возможно, в силу самих словообразовательных моделей имеют неявную, но все же негативную оценку.

В целом же можно сказать, что само появление ряда этих слов показывает необходимость или востребованность более дробной градации степени ответственности (или точнее сказать, безответственности) в отношениях. Связь становится все менее связной, а партнеры никогда не уверены в устойчивости и крепости отношений.

О РАБОТЕ НАД ИНФОРМАЦИОННО-ПОИСКОВОЙ СИСТЕМОЙ «ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ»

В декабре 2025 г. автором была создана ИПС «Толковый словарь русской разговорной речи» (далее «ТСРР»); её лингвистическое обеспечение основано на данных «Толкового словаря русской разговорной речи» под редакцией Л. П. Крысина (тт. 1-5, М.: ЯСК, 2014-2025). В настоящее время ведётся работа по усовершенствованию «ТСРР».

Приведём для наглядности примеры запросов, на которые «ТСРР» в настоящее время умеет давать ответы.

Список словарных статей (то есть – как минимум – заголовков, но по желанию заказчика – также с толкованиями, пометами и перечнями примеров), обладающих теми или иными характеристиками.

А. Части речи.

А1. Списки слов, относящихся к той или иной части речи.

Напр.: междометий; частиц; предлогов; союзов; местоимений; числительных; наречий.

А2. Списки слов, относящихся к тем или иным грамматико-семантическим разрядам внутри частеречных классов.

Напр.:

существительных с ограничениями на числовую парадигму (собирательных; «только ед. ч.», «только мн. ч.»); общего рода (м. и ж.).

глаголов с ограничениями на парадигму

аспектуальную («только сов.», «только несов.»);

персональную (безл., «1-е лицо неупотр.» «1-е и 2-е лицо неупотр.»);

модальную («только повел.»).

А3. Списки слов, употребляемых в значении определённой части речи (или определённого члена предложения) как результат частеречной транспозиции путём категориальной конверсии:

«в знач. междом.», «в знач. частицы», «в знач. сущ.», «в знач. глагола»; «в знач. мест.», «в знач. числит.»;

«в знач. сказ.», «в знач. вводн.».

В. Списки слов, занимающих ту или иную позицию в интонационной структуре предложения («под фразовым ударением»; либо, наоборот, «не под фразовым ударением», то есть в позиции синтаксической безударности).

С. Списки слов из некоторого пласта лексики русского языка (с соответствующей пометой в зоне STYL):

С1. Слова из некоторого «подъязыка» русского языка: профессиональному («жарг.»), молодёжному («молод.») и т. п.

С2. Слова с некоторой хронологической коннотацией – «уходящие» (*уходящ.*), «устаревающие» (*устар.*).

Д. Списки слов, являющихся членами некоторых «лексических микросистем», соответствующих «лексическим функциям» (ЛФ). Всякая ЛФ есть отношение между первым членом («аргументом») и вторым членом («коррелятом»).

Напр.:

Д1. Синонимы (помета ЛФ SYN).

Д1а. Указатель аргументов, имеющих синонимы, приводимые в зоне SYN;

Д1б. Указатель коррелятов из зоны SYN как синонимов аргументов;

Д2. Аналоги (помета ЛФ ANALOG).

Д2а. Указатель аргументов, имеющих аналоги из зоны ANALOG;

Д2б. Указатель коррелятов из зоны ANALOG как аналогов аргументов;

Д3. Антонимы (помета ЛФ ANT).

Д3а. Указатель аргументов, имеющих антонимы из зоны ANT;

Д3б. Указатель коррелятов из зоны ANT как антонимов аргументов;

Д4. Конверсивы (помета ЛФ CONV).

Д4а. Указатель аргументов, имеющих конверсивы из зоны CONV;

Д4б. Указатель коррелятов из зоны CONV как конверсивов аргументов.

Е. Фразеология (зона PHRAS).

Е1. Список слов, образующих коллокации с некоторым лексическим (знаменательным) или грамматическим (строевым, служебным) компонентом.

Ф. Толкования (зона DEF).

Ф1. Список слов, в толковании которых есть некоторый «семантический компонент» («сема»).

Г. Примеры (зона EXAMPLE, которой не было в бумажной версии «ТСРР» в качестве отдельной зоны!).

G1. Список слов, у которых в зоне примеров есть некоторый лексический (знаменательный) или грамматический (строевой, служебный) компонент.

G2. Список слов, у которых в зоне примеров дана ссылка на некоторого автора (писателя), журнал (газету) и др. виды источников (напр., записи разговорной речи) и т. п.

Н. Сравнение словника «ТСРР» со словниками других словарей (Даля, Ушакова, Ожегова, Аванесова-Ожегова, Шведовой, БАС, МАС, Лопатина, Йоссельсона, Зализняка, Еськовой, Штейнфельдт, Засориной, Лёнгрена, Шарова, Шарова-Ляшевской, Касаткиных-Каленчук и т. п., а также диалектных словарей). Это позволяет для любого из них выдать его логическое дополнение (в обе стороны) и пересечение с «ТСРР».

О. Ю. Крючкова (Саратов, СГУ им. Н. Г. Чернышевского)

РОЛЬ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕРИВАЦИИ В РАЗВИТИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ (ИЗ ИСТОРИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ГРУППЫ С ЭТИМОЛОГИЧЕСКИМ КОРНЕМ *VOLD-)

В статье «О третьем измерении лексики» Д. Н. Шмелев подчеркивал связь лексических значений слов с их словообразовательными отношениями, отмечал, что семантическое развитие слова находит выражение и поддержку в процессах словообразовательной деривации, направление «семантических транспозиций» слова отображается в соответствующих «словообразовательных репликах».

Соотносительность семантического развития слова с осуществляющейся на его базе словообразовательной деривацией хорошо прослеживается на материале лексики с общим этимомом. В докладе рассматривается роль словообразовательной деривации в развитии лексических значений группы слов с этимологическим корнем **vold-*.

История и современное состояние группы слов с этимологическим корнем **vold-* свидетельствует о заметных семантических сдвигах и перераспределении семантических компонентов внутри данной лексической микросистемы. Основной тенденцией семантического развития однокоренных слов, восходящих к этимону **vold-*, является

дифференциация значений имущественного обладания, с одной стороны, и верховенства, управления, господства – с другой, путем их лексического распределения в системе однокоренных слов. Результатом развития названной тенденции стала специализация некоторых деривационных парадигм на выражении одного из значений, ранее синкретично выражаемых этимологическим корнем, и формирование самостоятельных деривационных единств (словообразовательных гнезд) на базе этимологического гнезда.

Образование 4-х самостоятельных гнезд (с вершинами *владеть*, *обладать*, *власть*, *владыка*), восходящих к общему этимологическому гнезду с корнем **vold-*, – это не только следствие исторических изменений морфо-фонетического характера, но и результат тенденции к устранению семантического синкретизма, в продвижении которой значительную роль сыграли словообразовательные процессы, «деривационное разветвление слова».

Лексемы, входящие в состав словообразовательных гнезд современного русского языка с вершинами *власть*, *владыка*, *владеть*, *обладать*, демонстрируют своеобразное соотношение признаков ‘управлять’ и ‘иметь своей собственностью’ – от их синкретизма в значении одной лексемы до межгнездового распределения. В гнезде с вершиной *владеть* при осуществившейся на уровне микропарадигм дифференциации данных значений (ср., напр., *владельческий*, но *владельческий*) сохраняется совмещение двух этимологически слитых значений (дериваты *владение*, *завладеть* в разных контекстах актуализируют семантику собственности или управления). Гнезда с вершинами *обладать*, *власть*, *владыка* демонстрируют состоявшееся межгнездовое распределение семантики физического обладания и господства. Мотивировочный признак ‘управлять’ имеет абсолютную регулярность в гнездах с вершинами *власть* и *владыка*, реализуясь в таких производных этих гнезд, как *властный*, *безвластный*, *властно*, *властность*, *властвовать*, *повластвовать*, *властитель*, *властительница*, *властелин*, *властолюбец*, *властолюбивый*, *властолюбие*; *владычица*, *владычество*. Другой мотивировочный признак – ‘иметь своей собственностью’ – является ведущим в словообразовательном гнезде с вершиной *обладать*: *обладание*, *обладатель*, *обладательница*.

Анализ семантических компонентов полисемантических мотиваторов, получающих свое деривационное развитие в подсистемах производных слов, дает сведения об иерархии значений, используемых в качестве мотивационных признаков. Характер деривационного развития семантики этимологического корня **vold-* свидетельствует о когнитивной значимости признака управления, активность которого в процессах словообразовательной деривации значительно превосходит мотивационный потенциал признака имущественного обладания.

Г. И. Кустова (Москва, ИРЯ РАН)

ОБ ОДНОМ ПРОЦЕССЕ В РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ: «НОВЫЕ» ПРОИЗВОДНЫЕ СОЮЗЫ

В русском языке одним из активных процессов является образование адвербиалов от предложно-падежных форм абстрактных существительных, ср.: *в дополнение к, в нарушение, в подтверждение, в результате, за исключением, по мере, по отношению к*, многие из которых, в свою очередь, функционируют как производные предлоги. На следующем этапе эволюции эти предлоги становятся базой для образования производных союзов. В Грамматике-1980 представлен список производных союзов (*в результате того что; по мере того как; под видом того что* и под.), в который многие союзные комплексы не входят; не отражены они и в словарях XX в. В словарях XXI в. список производных союзов несколько расширился по сравнению с Грамматикой-1980 (*в подтверждение того что; за исключением того что* и др.). Между тем анализ материала НКРЯ показывает, что многие единицы, которые должны считаться новыми, поскольку попали в словари только в XXI в. или вообще не представлены в грамматиках и словарях, встречались в текстах уже в XIX-начале XX вв. В докладе рассматриваются проблемы грамматического описания таких единиц, их статуса и их фиксации.

А. Б. Летучий (Москва, ИРЯ РАН)

ЭВИДЕНЦИАЛЬНЫЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПЕРЕХОДНЫХ ГЛАГОЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: КОНСТРУКЦИИ ТИПА *МЕНЯ УЖЕ В ТРЕТИЙ РАЗ УВОЛЬНЯЮТ*

В докладе рассматриваются часто встречающиеся в современном языке употребления, в которых переходные глаголы обозначают недостоверную информацию. Например, в предложении (1) *увольняют* означает ‘утверждают, что меня уволят / уволили’. Материалом исследования служит в первую очередь российская спортивная пресса.

(1) *Меня уже в третий раз увольняют, а я всё ещё сижу перед вами.*
(<https://www.championat.com/>)

По значению данные конструкции можно описать как эвиденциальные (см., в частности, [Aikhenvald 2004] об определении и составе эвиденциальной зоны). В примере (1) глагол *увольнять* означает ‘говорить, что Х-а увольняют / Х увольняется’. Почти все

употребления такого рода имеют общую черту (см. также примеры (2) и (3) ниже): глагол в них употребляется в неопределённо-личной конструкции. Это связано с тем, что при распространении слухов и другой недостоверной информации первоначальный автор нередко неизвестен.

Хотя может показаться, что такое употребление переходных глаголов – чисто дискурсивная стратегия говорящего, это не означает, что она может затрагивать все глаголы без исключения. Например, не обнаруживается сходных примеров с глаголами *забить (гол)*, *выиграть (матч)*, *закрыть (дверь)* и т.д. Ограничение касается семантики глагола. В конструкцию попадают в первую очередь те глаголы, которые не предполагают прямого физического воздействия на участника, а скорее говорят о социальном дистантном взаимодействии (например, *уволить, отправить* (игрока в какую-л. команду)).

Нестандартное прочтение переходных глаголов в нашей конструкции проявляется не только в семантике, но и в сочетаемости глаголов. например, маркеры повторяемости (1) относятся именно к повторяемости слухов (пример означает ‘уже в третий раз говорят, что меня уволят’, а не ‘говорят, что меня уже в третий раз уволят’). Точно так же в (2) фазовый глагол *начинать* обозначает начало распространение слухов, а не начало самого процесса продажи футболиста. Наконец, в (3) к распространению слухов применяется наречие *уверенно*: в своём стандартном употреблении глагол *отправлять* не сочетается с маркерами уверенности. Однако при пересказе слухов это наречие уместно, точно так же как в контекстах с предикатами речи типа *уверенно утверждать, уверенно заявлять*.

(2) *Нормальная ситуация, когда какого-то футболиста у нас, который хорошо себя проявляет, **начинают** продавать в топовые чемпионаты.*
(<https://vprognose.by/sportnews/football/...>)

(3) *За последние дня трансферного дедлайна удалось сохранить капитана Дмитрия Барина, которого **уверенно** отправляли в ЦСКА.* (<https://www.euro-football.ru/article/29/>)

Анализируемое употребление находит параллели за пределами конструкций со значением эвиденциальности. В русском языке есть и другие случаи, когда две ситуации передаются с помощью одного глагола, причём одна из них не получает никакого эксплицитного маркирования. Один из таких случаев – описанное в [Сай 2004] окказиональное каузативное употребление: в примерах типа (4) стандартно непереходные глаголы типа *заплесневеть* используются как переходные (‘каузировать заплесневеть’), причём компонент каузации никак специально не выражается.

(4) *Как ты умудрился **заплесневеть** сыр?*

Другой пример – конструкция угрозы типа (5), описанная в [Мельчук 1995] и более подробно проанализированная с синтаксической точки зрения в [Летучий 2007]. Сам тот

факт, что говорящий угрожает другому участнику негативными последствиями, никак эксплицитно не выражен:

(5) *Опять гуляет поздно вечером? Я ему погуляю!*

Целью моего доклада будет подробнее описать свойства конструкции. В более широкой перспективе я планирую охарактеризовать конструкции, позволяющие говорящему сэкономить усилия и выразить две ситуации (причину угрозы и содержание угрозы, каузируемую и каузирующую ситуации) в рамках одного глагола.

Литература

Aikhenvald A. Evidentiality. Cambridge: Cambridge: University Press, 2004.

Летучий А. Б. Русский «угрозатив» и его родственники. Труды международной конференции «Диалог-2007». М.: РГГУ, 2007.

Мельчук И. А. Об одном словообразовательном аффиксе и об одной синтаксической фраземе современного русского языка // Мельчук И. А. Русский язык в модели «Смысл ⇌ Текст». М.–Вена: «Языки русской культуры», 1995: 325–346.

Сай С. С. Об одной продуктивной модели каузативации в спонтанной русской речи // Второй международный конгресс русистов-исследователей. Материалы к докладам. М., 2004.

И. И. Макеева (ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ*

В современном русском языке прилагательное *великолепный* имеет два значения: ‘роскошный, отличающийся пышной красотой’, являющееся эстетической оценкой, и разг. ‘прекрасный, превосходный, отличный’, указывающее на высокую степень качества (МАС, 1, 147). Процесс формирования такой семантической структуры был длительным; история слова *великолѣпный* должна быть рассмотрена вместе с другими лексемами: *великолѣпный*, *велелѣпный* и *велелѣпыи*, которые в процессе языковой эволюции были утрачены.

Все четыре прилагательных являются калькой с греческого *μεγαλοπρεπής*. Два слова – *велелѣпный* и *велелѣпыи* – известны в памятниках старославянского языка с XI в. Другая пара – *великолѣпный* и *великолѣпыи* – фиксируются позднее (в XII в.) в восточнославянских (русских) богослужебных рукописях (в Литургии Василия Великого).

Употребление лексем первоначально было ограничено сакральной сферой (Священное Писание и богослужебные тексты), где они встречаются только с существительными *слава* и *имя* (в славословии Бога). Значение прилагательных в лексикографических трудах определяется как 'великолепный', 'величественный' или 'великий' с ориентацией на греческое слово-эквивалент. Можно предположить, что как богословский термин каждое из четырех слов имело более сложную семантику, в основе которой лежало представление о высшем уровне, превосходящем обыденный, о том, что невозможно приравнять, поставить в один ряд.

Сочетаемость прилагательных была разграничена: *имя велелѣное, великолѣное, великолѣнное; слава велелѣнная*. В русских рукописных и старопечатных Служебниках XVII в. употребляются только прилагательные *великолѣныи* и *великолѣнныи*, но опять же дифференцированно: *имя великолѣное, слава великолѣнная*.

Очень рано, уже в XII в., прилагательное *великолѣнныи* используется в «мирской» сфере, однако такие примеры немногочисленны из-за его употребления как богословского термина и, следовательно, сугубо книжной характеристики и некоторой неясности значения, а также из-за параллельного функционирования лексемы *велелѣнный* и др. и конкуренции слов.

Особенностью семантической структуры прилагательного *великолѣнныи* является отсутствие преемственности в появлении значений, немотивированность одного значения другим. Как кажется, в основе значений, имевшихся у этого слова и у трех остальных в исторический период, лежит идея неординарности, необычайности, по-разному реализуемая в конкретных контекстах.

Значения, соответствующего современной эстетической оценке, у *великолѣнныи* в истории русского языка не засвидетельствовано; в этот период оно было у *велелѣнныи* (*велелѣпная цр҃кы, дщєрь велелѣпна*). Вероятно, изменения зарождаются в конце XVII в. и происходят в Новое время. В XVIII столетии маркированное как книжно-славянское слово *велелѣнный* 'соединяющий в себе красоту и величие, великолепный, пышный' употребляется ограниченно, и соответствующее значение переходит к нейтральному *великолѣнный* по аналогии (ср. одинаковый морфемный состав слов) или развивается на основе общего оценочного значения 'замечательный; отличный, прекрасный, очень хороший', которое прилагательное имело еще в исторический период.

«РЕАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ» КАК ФИГУРА РЕЧИ И ТЕРМИН

1. Рассматриваются динамика и характер изменений выражения *реальная реальность*, которое в последнее десятилетие приобретает статус термина-технизма.

Как писал Д.Н. Шмелёв, «непосредственная обращённость лексики к внеязыковой действительности является её существенной особенностью [Шмелёв 2006: 13]. Цель исследования – показать, как изменения в современной техносфере становятся причиной семантических изменений слов онтологической лексики, в частности слов *реальный*, *реальность*.

2. В доцифровую эпоху выражение *реальная реальность* использовалось только для выражения противопоставления «реальный – вымышленный» (о мире) как фигура усиления: прилагательное, семантически дублирующее определяемое слово, выполняло роль своеобразного интенсификатора, при котором могли быть в свою очередь другие интенсификаторы – *самая <вполне, очень, более чем, не менее> реальная реальность*. См. также у Н. А. Бердяева (1924): *Машина, техника, та власть, которую она с собой приносит, та быстрота движения, которую она порождает, ...направляют жизнь человеческую к фикциям, которые производят впечатление **наиреальнейших реальностей*** (Смысл истории. Новое средневековье. М., 2002. С. 233).

3. С началом цифровой эпохи наблюдается вовлечение оборота *реальная реальность* в другую, новую оппозицию. Противоположным полюсом для физического мира – (когда-то) единственной реальности – мыслится виртуальный мир (искусственно создаваемая с помощью компьютерных технологий синтетическая среда). Этот мир, под самыми разными названиями (*интернет-пространство, интернет-реальность, киберпространство, онлайн-мир* и т.п.), оказывается для поколения «цифровых с рождения» (М. Пренски) такой же естественной средой существования, коммуникации, времяпрепровождения и под., что и физический мир, а значит, «генетически первичные, естественные формы бытия обретают гносеологически вторичное прочтение, ставятся в позицию, подчиненную новым... технологиям» [Шкапенко и др. 2022: 5]. Актуальным оказывается выбор атрибута для реальности, существующей за пределами компьютера и интернета: используются определения *физическая, объективная, базовая, привычная* и др. *Реальная реальность* вновь оказывается востребованной.

В контекстах, где *реальная реальность* используется как коррелят к *виртуальной реальности*, это уже не фигура речи, а скорее, онтологический термин. И виртуальная, и реальная реальность оказываются рядоположными понятиями.

4. Кроме того, в техническом дискурсе намечается тенденция использовать выражение *реальная реальность* как техницизм, что объясняется необходимостью вербализовать физический мир в контексте иммерсивных технологий, частью которых он оказывается, выступая в роли одного из необходимых компонентов. В ряду сокращённых обозначений разновидностей иммерсивных технологий *VR*, *AR*, *MR*, *XR* появляется аббревиатура *RR (Real Reality)*. На первый взгляд, новый техницизм *RR* органично входит в парадигму одноструктурных терминов-гипонимов *VR*, *AR*, *MR*, *XR*, что в целом придаёт терминологии системный характер, необходимый для её успешного функционирования. Однако в философском плане отнесение реальности к «семейству технологий» выявляет техноцентричность современного развития общества, размывание границы между человеком и машиной, искажённое представление об иерархии ценностей.

5. Использование слов онтологической лексики в составе техницизмов отражается как на семантике, так и на грамматике. В дискурсе о цифровых технологиях слово *реальность* может использоваться в форме множественного числа (ср.: философский термин *реальность* относится к существительным *Singularia Tantum*). Эти и подобные факты свидетельствуют о формировании специфической картины цифрового мира.

Литература

Шкапенко Т. М., Милявская Н. Б. Есть ли жизнь офлайн, или О проблемах номинации неvirtуальной действительности // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. № 3. С. 3–8.

Шмелёв Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: URSS, 2006. 278 с.

Н. Б. Мечковская (Минск, БГУ)

КАК ОПРЕДЕЛИТЬ НАИБОЛЕЕ ЗНАЧИМЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ?

Ответов на этот вопрос может быть несколько или даже много. Ниже дан один из вариантов. К «лингвистически значимым» результатам естественно причислять достижения, которые содержат новое знание о языке и коммуникации. Не всякий электронный корпус текстов создается для решения лингвистических или

лингводидактических задач. Так, миллиардные электронные корпуса, в соединении со счетчиками частот, нужны не лингвистике, но, во-первых, информатике – в качестве текстового сырья, которое перерабатывается в статистические алгоритмы самосвязываемости слов для правдоподобных реакций ИИ; во-вторых, для мониторинга экстралингвистических процессов, что позволяет социальным менеджерам держать руку на пульсе социумов и предвидеть тренды в экономике, политике, социальной психологии, менеджменте.

К новому, важному и при этом лингвистически релевантному знанию, полученному благодаря частотно-корпусной лингвистике, можно отнести следующие результаты.

1. Корпусная лингвистика открыла в организации лексики статистические закономерности. В определении Дж. Ципфа (1934) лексика предстала как «большой набор редких событий». Ципф эмпирически, вычисляя накопленные частоты слов в убывающих частотных списках, увидел константы в процентном покрытии текста словоформами лемм, находящихся в определенных частотных диапазонах. Б. Мандельброт показал, тоже эмпирически (а не логико-математически), что закон Ципфа релевантен только для определенных частотных групп: между словами с рангом бóльшим, чем 50, и меньшим, чем 1500. Однако эти ограничения не лишают закон Ципфа (с поправками Мандельброта) познавательной ценности: указанный диапазон – не такой уж узкий: 1500 самых частых слов покрывают примерно 80% любого текста. Ценность этого результата при составлении словарей и учебников по языкам огромна.

2. Общелингвистическая значимость корпусов и корпусно-частотных словарей реализуется в новом и крупном знании об отдельных национальных языках. Так, на основе НКРЯ создан комплекс частотных словарей, в котором представлена количественная картина, во-первых, современного состояния частеречной системы языка, включая лексическое наполнение грамматических разрядов как в целом, так и в противопоставлении подкорпусов художественных и нехудожественных текстов; во-вторых, создана диахроническая панорама частеречной системы языка в ее количественном аспекте на протяжении более трех веков, начиная с XVIII в., с различением трех периодов в истории языка. На основе НКРЯ создается новая академическая грамматика русского языка – Корпусная грамматика.

3. Крупнейшим и небывалым достижением лексикографии, возможным благодаря частотно-корпусной лексикографии, стал синтез в словарях Macmillan 2007 (позже также в Collins и Longman) словарей двух жанров – толкового и частотного. В Macmillan 2007 словник в 100.000 лексем (первых в частотном списке, полученном на корпусе объемом в

100 млн с/у) разделен на 4 списка в зависимости от частоты, и эти различия выражены средствами полиграфии.

4. В Macmillan 2007 был осуществлен небывалый по масштабу компонентный семантический анализ лексики: первые словарные дефиниции 100.000 лексем словника содержали только те слова, которые входят в первые по частоте 2.500. Таким образом самые частые лексеммы в Macmillan 2007 выступили в роли семантических компонентов при описании всех лексем словаря.

5. Выдающиеся результаты сопоставительных корпусно-частотных исследований художественных текстов на глазах преображают литературоведение. Важен именно сопоставительный ракурс. Это особенно хорошо видно в работе А. Я. Шайкевича 1999 г. «Пушкин и Мицкевич (Опыт лексического сравнения)» и проведенного в А. Я. Шайкевичем сопоставления «Статистического словаря языка Достоевского» (составители А. Я. Шайкевич, В. М. Андрющенко, Н. А. Ребецкая; 2003) с корпусом писателей-современников Достоевского.

6. Крупный успех цифровой текстологии связан с «Дельтой» Джона Барроуза (Burrows), создавшего метод вычисления меры близости похожих текстов. Испытанная в разных модификациях, метрика Барроуза выдержала проверку в разных исследовательских центрах мира, включая Россию (в исследовании текстов 4-х книг «Тихого Дона» и тех произведений М. Шолохова, которые были написаны прежде романа-эпопеи и после него, а также текстов тех его современников, с которыми молва связывала авторство «Тихого Дона»). При всей важности проблем атрибуции анонимных и псевдонимных произведений, ценность разработок Барроуза состоит в обнаружении числовых констант индивидуально-авторского письма, которые реализуются в присущей конкретному автору конфигурации пространственного распределения частот частых слов. Эти константы численно характеризуют отстояние частот частых слов от их средних (для исследуемого корпуса) частот. «В подобном частотном профиле, пишет Барроуз, аккумулируются индивидуальные и в основном бессознательные привычки языкового употребления. [...] Структура индивидуального частотного профиля такова, что не существует сколько-нибудь простого способа для пишущего и редактирующего сознательно его отследить или симитировать».

7. Частотные списки коллокаций с любым словом, как и сотни паспортизированных высказываний в конкордансах, которые НКРЯ показывает пользователю, представляют собой эмпирическое подтверждение концепции И.А. Мельчука, согласно которой предмет фразеологии создают бесчисленные сочетания лексем, а не относительно немногочисленные устойчивые идиомы.

8. Флагманская разработка Адама Килгарриффа, известная как *Sketch Engine for Language Learning* (SkELL), Скетч в НКРЯ и других ресурсах совершает революцию в лингводидактике: достаточно увидеть, как учитель распечатывает странички скетчей тех слов, с которыми сегодня собирается знакомить своих учеников.

9. Контент-анализ семантики и прагматики тональности больших массивов текстов (телеграм-каналов, сайтов, отдельных СМИ, продукции издательств), как и автоматический анализ их тональности, при несомненной лингвистической релевантности результатов, вновь приводят к продукции «двойного назначения».

Т. А. Милёхина (Саратов, СГУ им. Н. Г. Чернышевского)

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ЛЕКСИЧЕСКИМИ ННОВАЦИЯМИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

Развитие лексики русского языка на современном этапе связано, как представляется, прежде всего с активным пополнением и расширением сферы функционирования лексических единиц, традиционно располагающихся на периферии или за пределами литературного континуума. Среди таких единиц наиболее прочные позиции занимают профессионализмы, сленгизмы, общенизмы, окказионализмы. Активизация данных лексических групп обусловлена рядом экстралингвистических факторов различного характера. Политическая ситуация в мире обуславливает расширение группы военной профессиональной лексики и активизацию эмоционально-экспрессивных лексических единиц, процессы глобализации определяют адаптацию профессиональных и сленговых заимствований, инициативность частного предпринимательства способствует распространению окказионального словотворчества.

Лексика военной тематики широко представлена в телевизионных репортажах, посвящённых событиям Специальной военной операции, в которых активно используются не только армонимы (*БК, БТР, РСЗО, БПЛА*), но и военные профессионализмы, среди которых различные по способу образования слова: экспрессивная суффиксация: *самолётина, стрелкотня, рубилово*; разговорные стяжения: *квадрик* (квадроцикл); *броник* (бронезилет); *мобики* (мобилизованные); универбаты: *контрбатарейка* (контрбатарейная борьба); *опорник* (опорный пункт); сокращения *мехвод* (механик-водитель), *рембат* (ремонтный батальон).

Можно отметить интенсивное вторжение значительных нелитературных лексических пластов в публичную коммуникацию. Нелитературная лексика, в том числе общенизмы,

допущена на федеральные телевизионные каналы, фиксируется в речи ведущих политических ток-шоу. Присутствует весь спектр сниженных эмоционально-экспрессивных единиц от просторечных (*быдло, еврошобла, еврошушера, хотелки, сволочь*), жаргонных (*подставить, беспредел, фейканул, рулят*), скатологических (*задница, какает*) до обсценных (*хрен вам на рыло; подохренел; б...ство; бл...ди; с...кины дочери*).

Адаптация англоязычной заимствованной терминологии в устной деловой коммуникации осуществляется по разговорным, просторечным словообразовательным и произносительным моделям, что также позволяет их причислить к профессионализмам. Англицизмы русифицируются, склоняются и спрягаются, образуют формы множественного числа и новые слова: *тикет (тикетос), бача (батчирование, батчировать), трекер (трекеры), кейс (кейсы), пойнт, флоу*.

Активные процессы русификации иноязычных заимствований наблюдаются в речевом общении компьютерных игроков. В игровом сленге действия персонажей игры, английские глаголы приобретают русские аффиксы (*байтить, фармить, подфармить, зафармить, пушить, отпушивать*). Наименования игровых предметов получают русские окончания (*смоки, руны*); уменьшительно-ласкательную форму (*рунка*); становятся основой для образования глаголов (*изруинить*).

Развитие бизнес-инициативы обусловило распространение в современном городском пространстве и рекламе окказиональных эргонимов. Важнейшими тенденциями в способах образования окказионализмов выступают использование узнаваемой словообразовательной модели, которая наполняется новым содержанием (*Клеткомания* — компания по организации квестов в Ярославле; *Шашилаоке* — ресторан), и эксперимент с самой формой номинации (*Домавёнок* – детская студия; *Достаевский* – сервис доставки еды; *Грузовичкоф* – компания грузоперевозок).

Таким образом, в современной русской речи наблюдается активизация отдельных групп лексической системы. Одни из них — военные профессионализмы, сниженная эмоционально-экспрессивная лексика, окказиональные новообразования, получают широкое распространение: представлены в телевизионной речи, рекламе, оформляют названия городских учреждений, другие характеризуются более закрытой сферой употребления: присутствуют в профессиональной специализированной речи электронных маркетплейсов, отмечаются в сленге геймеров. Однако все они так или иначе усиливают влияние и роль нелитературного сегмента современной русской речи, способствуют её опрощению и огрублению.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С ОПУСТОШЕННОЙ СЕМАНТИКОЙ В РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ: ЗНАЧЕНИЕ И УПОТРЕБЛЕНИЕ

Одной из важных особенностей разговорной речи (РР) является ее ситуационная восполняемость. Это связано с тем, что «в РР ситуация является полноправной составной частью акта коммуникации, она вплавляется в речь» [РРР 1973: 19]. Такое свойство РР позволяет говорящему активно использовать различные дейктические элементы: местоимения, жесты и так называемые слова-указатели [Капанадзе 1973].

В докладе будут рассмотрены некоторые из таких слов с опустошенной семантикой: *штука*, *фигня*, *хреновина* и др. Класс рассматриваемых слов неоднороден и может быть разделен на две группы:

- нейтральные слова с опустошенной семантикой, такие как *штука*, *дело*, *вещь*;
- более экспрессивные и обычно стилистически сниженные слова типа *хрень*, *фигня*, *мура*, у которых выделяется два основных употребления:

1) как полнозначное слово с пейоративной семантикой: [О модели телефона] *Вообще... эта модель производит впечатление полной хреновины* (Блоги, 2005);

2) как безоценочное слово с опустошенной семантикой, слово-указатель / заместитель: [О турникете] *Там стоят такие хреновины, куда ты sueшь свой проездной билет, и они тебя пропускают* (Комсомольская правда, 29.05.2001).

Представители первой группы (нейтральные слова), становясь заместителями, свободно обозначают как предметы, так и ситуации, тогда как представители второй группы (пейоративные слова) в опустошенном значении чаще замещают предметы, а при указании на ситуации десемантизируются в значительно меньшей степени, сохраняя свою оценочность.

Особое внимание в докладе уделяется роли суффиксов (*-ина*, *-овина* и *-ня*, *-нь*), участвующих в образовании дериватов от неспецифицированных корней *фиг-* и *хрен-*. Изначально выдвигается гипотеза о возможной связи этих суффиксов с природой референта (предмет vs. ситуация). Но, вопреки ожиданиям, оказывается, что суффиксы не определяют тип референта в контекстах, где рассматриваемые слова имеют опустошенное значение, хотя и обнаруживают тенденцию различать референты-предметы и референты-ситуации в оценочном употреблении.

Проведенный анализ показывает, что слова, образованные от пейоративных корней (*фиг-*, *хрен-*), демонстрируют ограничения на тип референта при опустошенном употреблении. Если при обозначении предметов слова *фиговина*, *хреновина*, *фигня* и *хрень*

могут функционировать как нейтральные заместители, не выражая оценочности, то применительно к ситуациям и явлениям их пейоративная семантика, как правило, сохраняется. Это связано с тем, что предметы обладают конкретными, объективно описываемыми характеристиками, что позволяет говорящему использовать данные слова без выраженной оценки. В то же время ситуации и явления, лишенные четких параметров, чаще требуют субъективной интерпретации, что активирует оценочный компонент в семантике слов. При этом суффиксация (с формантами *-ина*, *-овина* и *-ня*, *-нь*), вопреки ожиданиям, не оказывает решающего влияния на дифференциацию референтов в опустошенном значении. Хотя в оценочных контекстах суффиксы могут определять некоторые тенденции (например, предрасположенность слов *фиговина* и *хреновина* к обозначению предметов), в нейтральных употреблениях эта разница нивелируется. Таким образом, ключевым фактором, определяющим возможность десемантизации, является не словообразовательная структура, а природа референта.

Исследование опирается на теорию прагматикализации [Traugott 2003], [Mihatsch 2006], объясняющую, как пейоративные слова теряют оценку в одних контекстах и сохраняют ее в других.

Литература

Капанадзе Л. А. Номинация в разговорной речи // Русская разговорная речь (отв. ред. Е. А. Земская). М.: Наука, 1973. С. 403–463.

PPP 1973 – Русская разговорная речь. Общие вопросы (отв. ред. Е. А. Земская). М.: Наука, 1973. 293 с.

Mihatsch, W. Machin, truc, chose: la naissance de marqueurs pragmatiques. In M. Drescher et B. Job (éd.), *Les marqueurs discursifs dans les langues romanes: approches théoriques et méthodologiques.* Francfort-sur-le-Main, P. Lang, 2006, pp. 153–172.

Traugott, E. C. From subjectification to intersubjectification. In R. Hickey (ed.), *Motives for language change.* Cambridge: CUP, 2003, pp.124–139.

Н. А. Николина (Москва, МПГУ),

З. Ю. Петрова, Н. А. Фатеева (Москва, ИРЯ РАН)

ОБРАЗНАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ «ГОРОД – ЧЕЛОВЕК» В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

В докладе рассматривается характерная для русской художественной речи образная параллель «город – человек». Материалом для анализа служат стихотворные и

прозаические тексты XIX–XXI вв., в том числе контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка. Предметом сравнения в рассматриваемых тропах является слово *город*, его дериваты (*городок, городишко*), слово *столица*, названия городов: *Москва, Петербург, Венеция, Флоренция, Рим, Вена, Париж, Берлин, Нью-Йорк* и др. (около 100 наименований).

Цель работы – рассмотреть персонифицирующие тропеические конструкции, характеризующие город в русской литературе, и выделить их основные семантические классы. Делается вывод, что в образной картине мира русской литературы XIX–XXI вв. широко используются персонифицирующие компаративные тропы, служащие для изображения города. Они включают разные семантические группы лексических единиц, наиболее объемной из которых является группа обозначений лиц (по родству, возрасту, полу, социальной роли, деятельности или поведению). Для описания города используются также компаративные тропы, характеризующие физический план человека. Большую группу таких тропов составляют метафоры и сравнения, включающие обозначения физиологических процессов и физических состояний в организме человека: сон, дыхание, болезни и др. Еще одну крупную группу метафор и сравнений, характеризующих город, составляют компаративные тропы, включающие названия частей тела (*тело, лик, лицо, рука, грудь, голова, череп, глаза, лоб, горло, вены, жилы, суставы, ребра, живот, кожа, волосы, сердце* и др.). Город имеет свой голос, наделяется речью, способностью производить разные звуки, присущие человеку.

Образными характеристиками города могут быть обозначения, связанные с чертами характера человека. Именно на основе подобных тропов выявляются индивидуальные особенности различных персонифицированных городов, например: Новгород – *задорный, упрямый*; Берлин – *щеголеватый, гордый, кичливый, заносчивый, чопорный*; Париж – *сумасбродный, наивный, веселый, ветреный* и др. Метафорические олицетворяющие характеристики городов могут противопоставляться друг другу. Для русской художественной речи, в частности, характерна оппозиция «Москва – Петербург».

Часть рассматриваемых тропов носит устойчивый характер и повторяется в текстах разных авторов. С течением времени в русской художественной речи расширяется круг образов сравнения, конкретизирующих описания города, растет число распространителей, сопровождающих персонифицирующий троп. Будет показано, что персонифицирующие метафоры и сравнения выделяют как общие, так и индивидуальные черты изображаемых городов, выявляя их своеобразие.

Н. К. Ониненко (Москва, ИРЯ РАН)

**«ЯСНО И ТОЧНО, БЕЗ НЕКТО И ГДЕ-ТО»
(О СЕМАНТИКЕ СЛОВА *ЧЕТКО*)**

В докладе будет обсуждаться семантический потенциал наречия *четко*, место этого слова в ряду синонимов (*ясно, точно, определено, конкретно*) и его связь с оценочными словами *хорошо/плохо*. Основное внимание будет уделено сочетаемости этих наречий с ментально-речевыми предикатами (спрягаемо-глагольными, причастными и деадъективными). Фиксируется активизация наречия *четко* при неакциональных ментальных глаголах *понимать, знать, осознавать*, а также в каузативных конструкциях с каузативным глаголом *дать*. Обосновывается мысль о том, что семантика слова *четко* изменяется в зависимости от субъектной перспективы высказывания, которая обнаруживает себя в семантике предиката и в категории лица. Устанавливается определенное направление синтаксически обусловленной полисемии: исходное значение, содержащее качественно-характеризующую оценку зрительного и слухового восприятия, в определенных контекстах изменяется в сторону ментального модуса. Производное значение содержит не только констатацию правильности осмысления фактов, верности понимания чужого слова, но и выражение уверенности говорящего в том, что его мысль будет однозначно понята адресатом.

А. Р. Пестова (Москва, ИРЯ РАН)

**ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА В УСЛОВИЯХ ДИНАМИЧЕСКОЙ
НОРМЫ: ОПЫТ РАБОТЫ НАД ДОПОЛНЕНИЯМИ К «ТОЛКОВОМУ СЛОВАРЮ
РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ»**

1. Наследие академика Д. Н. Шмелёва, в частности его идеи о динамике стилистического статуса слова под влиянием частотности и экстралингвистических факторов, сегодня получает новое звучание в контексте лексикографического описания современной разговорной речи. Наблюдение учёного о том, что частотное употребление ведёт к «стиранию» стилистической окраски, а сокращение употребительности — к её маргинализации [Шмелёв 2002], выводит на центральную проблему работы над любым словарём живого языка: проблему критериев включения и стилистической квалификации лексических единиц, находящихся в активном процессе изменения своего статуса.

2. Работа над дополнениями к «Толковому словарю русской разговорной речи» (под ред. Л. П. Крысина) высвечивает это противоречие с особой остротой. Перед составителем встаёт сложная задача: с одной стороны, оценить неологизмы, чья жизнеспособность в языке ещё под вопросом, с другой — определить статус слов, постепенно выходящих из активного употребления. Оба типа ставят под сомнение надёжность критерия «широкой употребительности в устной речи» и заставляют искать способы его объективации. В докладе ставится вопрос о том, какие инструменты и источники могут сегодня считаться авторитетными для верификации разговорного статуса лексики.

3. В «зазоре» между устоявшейся разговорной лексикой и очевидными периферийными лексическими единицами (узкими профессионализмами, словами-однодневками и т. п.) оказываются два ключевых типа лакун:

- лексика новых социальных и технологических практик (например, *нейронка, айтишный, блогерка / блогерша, абьюзить, дистанционка*). Их стилистическая квалификация (*разг. / прост. / сленг. / жарг. / проф.* и т. д.) затруднена из-за стремительности их вхождения в язык и отсутствия устоявшейся нормы употребления;
- лексика «уходящей натуры» (*заскорузлый, патлатый, загода, тужить*). Её существование в современной устной речи ставится под вопрос, что заставляет проверять актуальность таких единиц не только по данным корпусов, но и через языковую интуицию носителей.

4. В докладе анализируются методы, применяемые для работы с этой «пограничной» лексикой: корпусный анализ (НКРЯ) для отслеживания динамики частотности и контекстов; сопоставительный анализ стилистических помет в словарях-предшественниках; метод опросов образованных носителей для верификации стилистического восприятия в спорных случаях. Наглядным примером служит судьба слов *фейк* и *фейковый*, зафиксированных в 5-м выпуске ТСРРР (2022) с пометами *сленг., неодобр.* Спустя всего четыре года их широкое проникновение в научно-публицистический и официальный дискурс ставит вопрос о стремительной нейтрализации этих единиц, требуя от лексикографа пересмотра их стилистического статуса на основе новых данных.

5. Работа над дополнениями к ТСРР наглядно показывает, что границы разговорной лексики — не статичный рубеж, а подвижная линия. Ее очертания меняются под влиянием частотности, социальных сдвигов и коллективного языкового чутья. Современная лексикография не может полагаться на единственный критерий. Задача

составителя — постоянно сверять данные: корпусную динамику — с языковой интуицией носителей, традицию словарей-предшественников — с текущим употреблением.

Литература

ТСРР — Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1–5 / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2014–2022.

ТСРР — Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 6, дополнительный, часть 1 / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2025. В печати.

Шмелёв Д. Н. Стилистические изменения в лексике // Избранные труды по русскому языку. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 238–268.

Е. В. Пурицкая (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН)

ЛЕКСИКА «ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ» В СОВРЕМЕННЫХ НОРМАТИВНЫХ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ (К ПРОБЛЕМЕ АВТОРИТЕТНОСТИ ИСТОЧНИКОВ СЛОВАРЯ)

1. Научное наследие Д. Н. Шмелева, в частности, его исследования функционирования лексики в языке художественной литературы, сегодня приобретают особую актуальность в связи с активным развитием лексикографии. Так, наблюдение ученого о том, что нейтральные элементы языка зачастую становятся носителями и выразителями общей художественной образности, выводит на проблему релевантности текстов художественной литературы для репрезентации нормы общелитературного языка в нормативных толковых словарях. Противоречие нормативного и художественного словоупотребления заставляет задуматься о принципах построения эмпирической базы нормативного словаря в перспективе разработки будущего цифрового «Большого академического словаря».

2. Одним из двух фундаментальных принципов построения эмпирической базы нормативного словаря является авторитетность текста-источника. Тесная взаимосвязь представлений о литературном языке и языке литературы, характерная для российской традиции, воспринимающей язык, прежде всего, как фундамент национальной культуры, обуславливает особое место, которое занимает художественная литература в генеральной совокупности текстов, написанных на русском языке. При этом сегодня среди лингвистов принято мнение о том, что художественная литература больше не является средой

формирования литературной нормы. В этой связи важно установить критерии, по которым тексты-источники словаря могут быть отнесены к «образцовым». В докладе ставится вопрос о **лингвистических характеристиках** образцовых текстов.

3. В словниках академических толковых словарей можно выделить целый пласт лексики, характерной для произведений русской образцовой художественной литературы. Часть таких слов маркируется в словарях пометами и ремарками, отмечающими их связь с литературной традицией, в основном с поэтической («*трад.-поэт.*», «*в языке поэзии*» и др.), а также стилистическими пометами (*книжн.*, *высок.*, *образно*, *в возвышенной речи* и др.). Кроме того, существует огромная научная школа изучения языка художественной речи, прежде всего методами лексикографии, наиболее ярко высвечивающими эстетические возможности языка и приемы его использования писателями для создания образности.

При этом определенный пласт слов и значений попадает в «зазор» между общелитературной лексикой (которая свободно функционирует как в художественной литературе, так и в разных языковых сферах, в том числе в обиходном языке) и языковыми средствами, чьи стилистические особенности отмечены в словарях. Это, например, такие слова и значения, как *безвластный*, *величавый*, *ветшать*, *взойти* ('идя, подняться'), *золотиться* ('выделяться золотистым цветом'), *небосвод*, *небосклон*, *ниспадать*, *отворить*, *обременить*, *объять*, *отвратить*, *отуманиться*, *склоняться* (*день склонялся к вечеру*) и др. Эта лексика в общих словарях **обычно никак не маркируется** — ни с помощью помет, ни с помощью толкований, ремарок и т. д., однако заметно, что в современном речевом употреблении, будь то устная публичная речь, публицистика, письменные источники, обслуживающие разные жизненные сферы — эти слова не употребляются. Их «домом» остается язык писателя, художественная литература.

4. В докладе анализируются способы выявления особой «традиционно-литературной» лексики (в частности, с помощью сопоставления двух способов иллюстрирования в толковых словарях: с помощью речений, в том числе развернутых, и с помощью цитат из конкретных произведений), а также ее структурные, семантические и стилистические особенности; выявляются тенденции в лексикографическом описании подобных слов и значений. Автор приходит к выводу об изменении стилистического статуса данного пласта лексики и необходимости его осмысления в современной толковой лексикографии.

Е. В. Рахилина (Москва, НИУ ВШЭ, ИРЯ РАН),

Я. Э. Ахапкина (Москва, НИУ ВШЭ)

БРОСАТЬСЯ В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

В докладе рассматривается узус глагола *бросаться* XIX века на фоне современного русского языка. Показано, что отклонения, которые можно наблюдать на материале нескольких конструкций, не случайны и мотивированы утраченными к настоящему времени семантико-синтаксическими свойствами этого глагола, возникшими под влиянием французского.

Р. И. Розина (Москва, ИРЯ РАН)

«РАЗБЕЖАЛАСЬ!»

СНОВА ОБ ОТГЛАГОЛЬНЫХ МЕЖДОМЕТИЯХ

Одна из тем, интересовавших Д. Н. Шмелёва, – открытость границ частей речи и постоянное смещение в сторону служебных слов отдельных падежных форм существительных и некоторых форм глагола, сопровождающееся их семантико-синтаксическим обособлением [Шмелёв 2002: 339].

Доклад посвящен ряду междометий, производных от отдельных форм глагола: от инфинитива (*обалдеть!*), от повелительного наклонения (*Слушайте! Смотрите!*), от форм второго лица (*Шалишь! / Шалите!*). В то время, как отглагольные междометия типа *прыг, кусь, шарк*, являются предметом дискуссий уже столетие, если не больше, междометия типа *разбежалась!, закачаешься!, обалдеть!* и др., совпадающие по форме с современными глаголами, находятся на периферии лингвистических исследований (ср. [Середа 2002, Шаронов 2008]) или рассматриваются в контексте других категорий — иллокутивов [Кустова 2012] и коммуникативов [Какорина 2019].

В докладе приводится список междометий этого типа, составленный на материале «Толкового словаря русской разговорной речи». Рассматриваются следующие проблемы: ступени перехода глаголов в междометия, возможность выделения подгрупп в рамках этой группы междометий, семантика данных междометий и мотивированность их значений значениями производящих глаголов.

Литература

Какорина Е. В. Проблемы фиксации и лексикографического описания коммуникативов (на материале работы над "Толковым словарем русской разговорной речи" (ТСРР)) // Труды Института русского языка. М., 2019, № 20. С.76 —101.

Кустова Г. И. Об иллокутивной фразеологии // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сборник статей в честь 80-летия И. А. Мельчука. М., 2012. С. 349–366.

Середа Е. В. Морфология современного русского языка. Место междометий в системе частей речи. М.: Флинта, 2022.

Шаронов И. А. Междометия в речи, тексте и словаре. Москва: Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета, 2008.

Шмелёв Д. Н. К вопросу о «производных» служебных частях речи // Шмелёв Д. Н. Избранные работы по русскому языку. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 336–349.

Д. М. Савинов (Москва, ИРЯ РАН)

КРИТЕРИИ ЛЕКСИКАЛИЗАЦИИ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ В ОРФОЭПИИ И ДИАЛЕКТОЛОГИИ

1. Понятие лексикализация используется в лингвистической литературе неоднозначно. В большинстве работ теоретического характера лексикализация понимается как процесс развития нового слова или фразеологизма из служебной морфемы (аффикса), словоформы, предложно-падежного сочетания или словосочетания.

В лингвистических работах, имеющих практическую направленность, прежде всего в диалектологических исследованиях, представлено более широкое толкование термина лексикализация, который используется также для наименования единиц с незакономерной реализацией фонетического облика или грамматических характеристик. Широкое толкование этого понятия имплицитно представлено и в орфоэпических работах, хотя сам термин используется отечественными орфоэпистами не так последовательно, как диалектологами, и не получает четкой и однозначной дефиниции. Обычно лексикализированным считается произносительное явление, которое не обусловлено фонетической позицией и относится к произношению конкретных лексем или групп слов, объединенных какой-либо структурной особенностью. Как правило, лексикализированный характер какого-либо произносительного явления становится условием его включения в словари орфоэпического типа.

2. В диалектологических и орфоэпических работах, представляющих широкое толкование данного термина, авторы выделяют несколько критериев, позволяющих говорить о произошедшей лексикализации.

2.1. Большинство исследователей считает, что о лексикализации прежде всего свидетельствует отсутствие позиционной обусловленности у какого-либо произносительного явления. Подобные рассуждения встречаются как в диалектологических, так и в орфоэпических работах.

2.2. По мнению диалектологов, прикреплённость фонетических явлений к конкретным словам или ограниченному кругу слов также может свидетельствовать о произошедшей лексикализации. В орфоэпии лексикализованные единицы также могут составлять закрытый ряд слов. Как правило, это бывает в том случае, если лексикализация представляет собой консервацию единиц, не захваченных какими-либо произошедшими фонетическими изменениями. Например, многие рефлексy старомосковской орфоэпической системы сегодня лексикализованы и представлены ограниченным набором слов или отдельными словами.

Однако лексикализация не ограничивается только примерами, фиксирующими утраченные фонетические закономерности, и историческими чередованиями; лексикализованные явления в орфоэпической подсистеме возникают также в результате действия каких-либо незавершённых звуковых процессов, в том числе адаптации заимствованной лексики. Таким образом, лексикализация вовсе не обязательно предполагает закрытость ряда соответствующих языковых единиц; в результате адаптации иноязычных неологизмов регулярно появляются новые лексикализованные примеры не только в орфоэпической подсистеме литературного языка, но и во многих частных диалектных системах. Эти особенности всегда характеризуют конкретные слова, однако сам список заимствований постоянно пополняется.

2.3. Среди критериев лексикализации выделяют также широту распространения слов с нерегулярными фонетическими явлениями: так, в диалектной системе лексикализованными считаются только те фонетические модификации внешней оболочки слова, которые закрепились в языковой системе диалекта, то есть воспроизводимы и ареально маркированы. Очевидно, что для орфоэпии также важна воспроизводимость лексикализованных случаев произношения, статистика их узуального употребления.

2.4. В некоторых орфоэпических работах в качестве критерия лексикализации произносительного явления используется факт его отражения в письменном узусе. Однако далеко не все лексикализованные явления получают отражение на письме, что связано как с консервативностью русской графико-орфографической системы, так и с невозможностью адекватной графической передачи некоторых произносительных особенностей. К диалектному материалу этот критерий практически не применим, поскольку говоры функционируют преимущественно в устной форме.

2.5. В некоторых диалектологических работах в качестве критерия лексикализации выделяется способность лексикализованной единицы к образованию производных слов. Деривационную активность лексемы следует признать дополнительным критерием лексикализации как по отношению к диалектному, так и по отношению к орфоэпическому материалу. При этом не менее важное подтверждение лексикализованного характера нерегулярной произносительной особенности – ее сохранение вне позиции, обусловившей появление данной черты.

2.6. Отдельного рассмотрения заслуживает такой критерий лексикализации, как наличие у соответствующей единицы собственного семантического содержания, о чем пишут авторы некоторых орфоэпических работ. Однако чаще всего в результате лексикализации модифицируется внешняя обложка слова, а значение сохраняется; лексикализованные произносительные варианты типа *бу́ло[ч']ная* / *бу́ло[ш]ная* в семантическом отношении выступают как эквиваленты.

О. И. Северская (Москва, ИРЯ РАН)

А. Г. Жукова (Москва, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина)

БЕЗДЕЛЬНИКИ И ИХ ДЕЛА С ДРЕВНИХ ВРЕМЕН ДО СОВРЕМЕННОСТИ

Кто такие бездельники? Согласно «Большому толковому словарю русских существительных» С. А. Кузнецова, *бездельник* — это человек, который ведёт праздный образ жизни, не работая, ничего не делая (синонимы: *лентяй, лоботряс, дармоед, тунеядец*). Однако Национальный корпус русского языка фиксирует и другие, не менее частые синонимы: *хапуга, жулик, мошенник, проходимец, негодяй*. В современных массмедиа и соцсетях бездельниками нередко называют воров и других преступников.

Лексикографические источники зафиксировали следующие этапы семантизации слова. В «Словаре Академии Российской» (1790): *Бездѣльникъ* ‘человек негодный, поступающий безсовестно и несправедливо’; *Бездѣльный* ‘имеющий худые качества’; *Бездѣльно* ‘безсовестно, дурно’. В «Словаре русского языка XVIII в.»: *Бездѣлье* ‘беззаконие, беззаконные поступки’; ‘отсутствие деятельности, отдых от дел’; ‘нечто неважное, пустяки’; *Бездѣльник* ‘тот, кто совершает противозаконные, бесчестные поступки (плут, мошенник)’; ‘праздный человек, ленивец’; *Бездѣльничать* ‘плутовать, мошенничать’. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля *бездельник* — уже ‘праздный шатун; промышляющий плутовством, бессовестный плут’, при

бездельство (ближе к праздности) vs. *бездельничество* (мошенничество). «Словарь синонимов» Н. Абрамова (1900) включает *бездельника* в ряд синонимов к слову «плут»: *бездельник, жила, жулик, мошенник, обманщик* и др. В словарях XX века слово *бездельник* имеет значения ‘ни к чему не годный человек, пакостник’ (с пометой *бран.*) и ‘ленивый человек, лентяй’ – у Д. Н. Ушакова; в словарях С. И. Ожегова, Т. Ф. Ефремовой и С. А. Кузнецова толкования ограничиваются значением ‘ленивый, праздный человек’ без акцента на бесчестности. К XX веку связь с беззаконием и мошенничеством утрачивается, остается лишь акцент на праздности и лени.

Таким образом, актуальна задача проследить эволюцию представлений о «безделье», обусловившую сосуществование в русском языке *бездельника*₁ ‘праздного человека, лентяя’ и *бездельника*₂ ‘бесчестного человека, негодяя’, идущих бок о бок на протяжении веков. Ее решение и будет нашей целью.

С. М. Толстая (Москва, Институт славяноведения РАН)

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА Д.Н. ШМЕЛЕВА И ПЕРСПЕКТИВЫ СРАВНИТЕЛЬНОЙ СЛАВЯНСКОЙ СЕМАСИОЛОГИИ

Труды Д. Н. Шмелева по семантике русской лексики продолжают и развивают подход В.В. Виноградова и предваряют семантическую концепцию Ю. Д. Апресяна и его школы. Главными общими постулатами всех трех подходов являются 1) системность лексики, 2) единство лексикологии и лексикографии, 3) «интегральность» (термин Ю. Д. Апресяна) словарного представления лексики, т. е. учет семантических и грамматических (морфологических, словообразовательных, синтаксических) характеристик слова в их взаимодействии. Из трех постулатов самым общепризнанным, но одновременно самым неопределенным оказывается положение о системности лексики, под которым в общем смысле понимается зависимость значения слова от значений других слов, связанных с ним разнообразными семантическими и формальными отношениями. Д. Н. Шмелев определял три параметра этой зависимости – парадигматический (отношения синонимии, антонимии, гипер- и гипонимии и др.), синтагматический (правила сочетаемости) и деривационный (семантические отношения в словообразовании). Понятие семантической деривации, однако, остается недостаточно определенным: оно подразумевает два разных вида отношений: с одной стороны, семантическую связь производящего и производного слова, а с другой стороны, семантическую связь между разными значениями многозначного слова. При этом в свою

очередь значения многозначного слова могут быть связаны друг с другом двояким образом – во-первых, отношением непосредственной семантической производности (расширение и сужение значений, метафорические и метонимические переносы), а во-вторых, они могут быть следствием так называемой внутренней омонимии, т. е. представлять собой значения, за которыми стоят разные мотивационные модели.

Систематический материал для изучения многозначности в русском языке дает «Активный словарь русского языка», где каждое многозначное слово репрезентируется упорядоченным набором его «лексем» (пример – статья ЖДАТЬ). Лексикографический жанр, однако, не дает возможности объяснить, как выделены блоки значений, как связаны лексемы внутри блоков и между блоками – эти вопросы требуют изучения за пределами словарных статей, в специальных исследованиях.

Очевидно, что системные отношения характеризуют лексику одного конкретного языка (в данном случае русского) и, казалось бы, не могут быть релевантными для сравнительной семасиологии. Между тем нередко обнаруживается, что в разных языках сопоставимые по значению многозначные слова (межъязыковые синонимы) имеют сходную структуру и иерархию значений, аналогичные правила сочетаемости и т. п. (рассматривается семантический спектр глаголов с общим значением ‘ждать’ в ряде славянских и других языков).

Если говорить о сравнительной славянской семасиологии, то применительно к ней могут быть выделены следующие аспекты сравнения: 1) этимологический, т. е. сопоставление семантического спектра (набора значений) продолжений одних и тех же праславянских (общеславянских) слов в разных языках; 2) идеографический, т. е. сопоставление лексического спектра (набора лексических единиц), репрезентирующего то или иное понятие (денотат) (рассматривается лексический спектр понятия СЕМЬЯ в славянских языках); 3) семантический, т. е. сопоставление семантической структуры многозначных слов разных языков и анализ семантического параллелизма, т. е. сходной структуры многозначности в сопоставимых (этимологически или семантически) словах разных языков; 4) типологический, т. е. сопоставление мотивационных моделей номинации в разных языках (как родственных, так и не родственных).

Сравнительный подход убеждает в том, что семантическая система обусловлена не только парадиматическими, синтагматическими и прочими связями слов в том или ином языке, но и (или даже прежде всего) способами концептуализации внеязыковой действительности (предмета, явления, ситуации), которые могут быть общими или различными для языкового сознания носителей разных языков. К такому пониманию был близок Е. Курилович: «Иногда семантическую систему языка приравнивают к сети,

образующейся вследствие разложения действительности (как физической, так и психической) на элементы. Таким образом, ячеи сети различны в разных языках по форме и по величине» [Курилович 1962: 249].

Е. В. Урысон (Москва, ИРЯ РАН)

(СТО ЛЕТ) ТОМУ НАЗАД – ФРАЗЕОСХЕМЫ Д. Н. ШМЕЛЕВА VS ГРАММАТИКА КОНСТРУКЦИЙ

Объект работы — словосочетание (*неделю*) *тому назад*. Цель работы — ответить на два вопроса: (а) к какой части речи относится слово *назад* в этой конструкции; (б) какова функция факультативного компонента конструкции — местоимения в форме дательного падежа *тому*. Продемонстрировано, что данная конструкция является фразеосхемой (по Д. Н. Шмелеву), или синтаксической фраземой (по И. А. Мельчуку). Предложены синтаксический и семантический анализ этой конструкции. Предлагается гипотеза, по которой рассматриваемое сочетание является результатом изменения исходной конструкции (тоже фразеосхемы), представленной в предложениях типа (*Граф умер.*) *Тому (уже) неделя*. Это изменение логически представляется как цепочка последовательных трансформаций исходной фразеосхемы. Показано, что в исходной фразеосхеме *тому* — это анафорическое местоимение, отсылающее к обычно предположенной ситуации.

Последовательные логические преобразования исходной фраземы в анализируемую таковы: сначала исходная структура меняет свой синтаксис, затем в нее вводится компонент *назад*, в результате компонент *тому* теряет анафорическую функцию и становится избыточным, а потому может опускаться. Обсуждаются синтаксические свойства предлога/послелога как части речи. Продемонстрировано, что *назад* в составе данной фразеосхемы не обладает свойствами предлога/послелога, а потому это слово естественно отнести к наречиям. Аргументируется, что Грамматика Конструкций не предоставляет исследователю аппарата, позволяющего системно описать данные (и другие) фразеосхемы. Соответствующими возможностями располагает модель «СМЫСЛ – ТЕКСТ» И. Мельчука.

Л. Л. Федорова (Москва, РГГУ)

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ СЛОЖНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

В докладе предполагается рассмотреть окказиональные сложные прилагательные, зафиксированные в Глоссарии «Новое в русской лексике» за 2020–2025 гг. на материале

СМИ. Целью анализа является выяснить, какие модели сложных прилагательных особенно продуктивны в окказиональном словообразовании и насколько сильны для прилагательных тенденции аналитизма, присущие новообразованиям в сфере существительных.

Как известно, в годы пандемии 2020–2022 русский язык захлестнула волна новообразований, возникших на базе заимствованной лексики, среди них значительное место занимают сложные слова, особенно существительные, но и доля прилагательных значительна. Обычно отмечается роль нескольких ключевых слов, давших серии сложных слов с различными вторыми компонентами. Но освоение новых единиц приводило и к появлению синонимических рядов прилагательных на основе нескольких различных ключевых слов, нейтрализовавших в позиции первой основы некоторые семантические признаки (*коронавирусно-финансовый* – *пандемийно-финансовый*; *коронакризисный* – *коронавирусно-кризисный* – *пандемийно-кризисный*); здесь можно говорить о разной степени синонимии, по Д. Н. Шмелеву.

Анализ сложных прилагательных проводился на основании внешних признаков – наличия/отсутствия интерфикса и дефисного/слитного написания, – а также по характеру первой основы сложений (прилагательного или существительного). В результате было выделено 6 подклассов, включающих 15 моделей по частеречному составу компонентов и отношениям между ними. На основе статистического анализа было показано, что традиционные дефисные модели сложных прилагательных с интерфиксом сохраняют ведущую позицию, доля композитов без интерфикса среди прилагательных относительно невелика (серийные образования с *корона-*, *коронавирус-*, *covid-*: *корона-автономный*, *коронавирус-тематический*, *covid-проблемный*, а также с неизменяемой второй основой *ковид-фри*).

Наиболее распространенной является традиционная сложносоставная модель прилагательных с интерфиксом на основе подчинительных отношений между компонентами-прилагательными (*пандемийно-тихий*). Продуктивными остаются и слитные подчинительные модели на основе субординативных и атрибутивных отношений между основами существительного и прилагательного (*геранеподобный*, *ковидоопасный*), а также и координативная модель (*ковидно-постковидный*); ограниченными возможностями обладает и парасинтетическая модель сложных прилагательных (*второволновый*); присутствуют и уникальные примеры игровых моделей контаминации, слияния и наложения, имитирующие образования с интерфиксом (*вирусокосный*) или без него (*риверсильный*).

Таким образом, в целом в сфере сложения прилагательных тенденции аналитизма проявляются в ряде композитных образований, однако не столь заметно выражены, как среди существительных.

М. Ю. Федосюк (Москва, Независимый исследователь),

И. И. Бакланова (Москва, МГТУ "СТАНКИН")

ОБ ИЗОСЕМИЧНЫХ И НЕИЗОСЕМИЧНЫХ ВТОРОСТЕПЕННЫХ ЧЛЕНАХ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Как писал Д. Н. Шмелев, «<...> одной из первостепенных задач лингвистики в настоящее время представляется рассмотрение тех наиболее общих понятий, которые лежат в основе исследования различных сторон языка, с точки зрения их соотношения друг с другом, их “совместимости” при попытках создать общую лингвистическую теорию». Одним из таких общих понятий можно считать введенное в научный оборот Г. А. Золотовой понятие «изосемичность», которому и посвящен предлагаемый доклад.

Ниже нами будет предпринята попытка показать, что объяснительная сила понятия «изосемичность» выходит далеко за рамки тех вопросов, при рассмотрении которых оно применяется в «Коммуникативной грамматике русского языка» Г. А. Золотовой. Мы попытаемся продемонстрировать, что понятие «изосемичность» может быть продуктивно использовано и при описании других элементов системы русского языка, в частности второстепенных членов предложения.

Напомним, что изосемичностью Г. А. Золотова предложила называть соответствие грамматического значения языковой единицы ее конкретно-предметному содержанию. В «Коммуникативной грамматике русского языка» с точки зрения изосемичности отдельно рассматриваются, с одной стороны, слова, а с другой – модели предложений. Примерами изосемичных слов могут служить слова: «“книга” [конкретно-предметное значение этого слова совпадает с частеречным значением существительного (предмет)]; “бегать” [акциональное значение совпадает с частеречным значением глагола (действие)]; “высокий” [качественное значение совпадает с частеречным значением прилагательного (качество предмета)]». В свою очередь, неизосемичными являются такие слова, как *испытание* (вопреки категориальному значению предметности, свойственному существительным, оно именует не предмет, а действие), *грусть* (называет не предмет, а состояние), *точность* (обозначает не предмет, а свойство).

«Изосемические подклассы слов, – читаем мы в “Коммуникативной грамматике русского языка”, – образуют и изосемические модели предложений, наиболее экономные и лаконичные. Неизосемические подклассы в синтаксических построениях чаще прибегают к посредству вспомогательных слов. Сравните: *Лаборанты **испытывают** новый прибор. Прибор **точен и надежен**.* – *Лаборанты **ведут испытания** нового прибора. Прибор **отличается точностью и надежностью**.* Изосемические и неизосемические модели предложений соотносятся как синтаксические синонимы».

Детализируя мысль о синтаксической синонимии моделей предложений, Г.А. Золотова пишет о неизосемических моделях так: «Смещение в равновесии семантических, морфологических и синтаксических признаков согласно закону грамматической компенсации влечет за собой появление избыточности в средствах (в *делает прыжок* – дублируется значение действия, в *отличается ловкостью* – дублируется значение признака, качества), что в свою очередь порождает дополнительные смысловые и стилистические оттенки (в *делает прыжок* – профессионально-терминологический оттенок, например, в спортивном репортаже; в *отличается ловкостью* – оттенок книжной речи; ср. также: *Спортсмен совершает прыжок; Движения исполнены легкости* – здесь появляется оттенок стилистической приподнятости)».

Но если рассмотрение изосемических и неизосемических языковых единиц как компонентов единого синонимического ряда может способствовать более детальному выявлению их семантических и стилистических особенностей, то не следует ли подвергнуть такому же анализу не только смысловые подклассы слов и модели предложений, как это сделано в работах Г. А. Золотовой, но и типы второстепенных членов предложения? В ограниченных рамках доклада мы попытаемся ответить на этот вопрос, опираясь на материал изосемических и неизосемических определений (*школьное здание* – здание *школы*), изосемических и неизосемических дополнений (*учить понимать* – *учить пониманию*), а также изосемических и неизосемических обстоятельств (*находиться недалеко* – *находиться возле станции*).

И. В. Фуфаева (Москва, РГГУ)

ИЗМЕНЕНИЯ В РУССКОМ ГЛАГОЛЬНОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ НА МАТЕРИАЛЕ НЕОЛОГИЗМОВ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

В докладе рассматриваются актуальные тенденции в русском глагольном словообразовании, выявленные на материале неологизмов последних десятилетий,

связанных с цифровой средой семантически, выражая совершаемые в ней действия (*френдить, банить* и пр.) или как минимум обязанные ей своим распространением и представляющие в том числе молодежный, профессиональный (IT и др.), геймерский сленг. Основу исследования составили 115 глаголов (например, *троллить, спамить, скринить, прогать, токсичить*), отобранных методом сплошной выборки в публичных цифровых пространствах (Telegram-чаты) и дополненных экспертными наблюдениями. Критерием отбора послужило отсутствие или поздняя (с 1998 г.) фиксация в НКРЯ, что позволило сфокусироваться на волне инноваций, порожденных цифровой эпохой. С точки зрения происхождения среди этих единиц много адаптированных заимствований, типа *постить* из англ. *to post*, исконных образований от заимствованных имен типа *лайкать* от *лайк*, сокращений от ранее заимствованных глаголов типа *прогать* от *программировать*.

Анализ выявил три ключевые тенденции, характеризующие динамику современного глагольного словообразования.

Во-первых, это универсализация тематического гласного *-и-* как показателя II спряжения. Наиболее значимым изменением стало резкое повышение продуктивности модели с тематическим гласным *-и-* (II спряжение) для адаптации заимствований и образования новых глаголов от иноязычных основ. На эту модель приходится около 76% проанализированных неологизмов (*донатить, комментить, спамить, агриться* и пр.). Она превращается в универсальное средство по умолчанию, вытесняя ранее доминировавшие при адаптации заимствований модели с длинными, многосложными суффиксами *-ова-* / *-ева-*, *-ирова-*, *-изирова-*, *-изова-*. Новые образования на *-и-* часто выступают как стилистически сниженные и более экономные синонимы существующих глаголов (*сканить* vs *сканировать*, *комментить* vs *комментировать*), активно вытесняя последние в неформальной цифровой коммуникации.

Во-вторых, это специализация тематического гласного *-а-* (I спряжение). На модель I спряжения с тематическим гласным *-а-* пришлось около 15% материала. Она преимущественно обслуживает основы с конечным заднеязычным согласным (*лайкать, кликать, прогать, фоткать*), что, по-видимому, позволяет сохранять единство корня однокоренных слов без чередования согласных, неизбежного при использовании модели на *-и-*: *лайк* – *лайкать* (не *лайчить*). Тем не менее, давление доминирующей модели на *-и-* приводит к появлению единичных глаголов с чередованием: *дебажить*.

Наконец, модели с суффиксами мгновенного действия *-ну-/ -ану-* сохраняют и, возможно, усиливают свою продуктивность в цифровую эпоху. От 30% неологизмов образуются видовые пары по этому типу: *лайкнуть, репостнуть, андейтнуть, хайпануть* и пр. Их семантика четко обусловлена: они образуются от глаголов, обозначающих

дискретные, интерфейсные или коммуникативные действия (клик, отправка сообщения, подтверждение решения), которые могут быть осмыслены как мгновенные. Суффикс *-ану-* часто несет дополнительную экспрессивную окраску: *базануть*, *кринжануть*. Если действие не может восприниматься как мгновенный акт, например, *буллить*, видовая пара образуется исключительно префиксальным способом: *забуллить*.

Итак, на материале неологизмов цифровой эпохи зафиксированы системные сдвиги в русском глагольном словообразовании. Происходит смена парадигмы адаптации глагольных заимствований: суффиксы *-ова-/и-ова-/изирова-/изова-* уступают роль основного адаптера универсализирующемуся тематическому гласному *-и-* (II спряжение). Формируется распределение, когда *-и-* становится показателем по умолчанию, а *-а-* специализируется на основах с заднеязычными. Это может рассматриваться как признак вытеснения I спряжения II спряжением в зоне новых образований. Фактором этих процессов, по всей видимости, является принцип экономии языковых средств, особенно востребованный в разговорно-письменной цифровой коммуникации. Он проявляется как в выборе более короткой модели на *-и-*, так и в массовом явлении сокращения уже существующих глаголов: *прогать* от *программировать*, *редачить* от *редактировать*.

А. В. Харитонова (Екатеринбург, УрФУ)

УРАЛЬСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ АТРИБУТИВНОЙ ЛЕКСИКИ: СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИРАЩЕНИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ⁵

Исследование атрибутивной лексики, используемой для характеристики уральца и уральского характера, позволяет выявить значимые аспекты формирования и репрезентации уральской региональной идентичности. Под региональной идентичностью понимается «ощущение, проживание и даже рефлексия (чаще нерациональная) специфики “своей” территории на уровне группового и личного сознания» [Каганский 2014: 11], а также специфики регионального сообщества.

В основе нашего доклада лежат полевые исследования: опрос 428 жителей Екатеринбурга и Свердловской области в возрасте от 18 до 85 лет. Респондентам было предложено ответить на вопросы: *Что значит для вас быть уральцем? Уральский характер, он какой?* Полученный корпус ответов позволил не только выявить наиболее

⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25-28-01412 «Уральская идентичность Екатеринбурга в “светлом поле” сознания горожанина».

частотные атрибутивные единицы, образующие свертхтекстовую парадигму лексем, репрезентирующих уральский характер, но и проследить, как в региональном контексте трансформируются их значения.

Анализ показал, что ядро характеризующей лексики образуют прилагательные, прочно укоренившиеся в коллективном языковом сознании. Наиболее частотными оказались лексемы *суровый, стойкий, трудолюбивый, сильный, выносливый, закаленный, прямолинейный*. Эти слова формируют «эталонный» образ уральца – человека, чьё поведение и мировоззрение определяются жёсткими внешними условиями и традициями промышленного края.

Особый интерес представляют нетривиальные атрибуты, выбивающиеся из стандартного набора характеристик (*корявый, угловатый*), а также различные семантические приращения – сдвиги в значении слов, возникающие в региональном контексте. Яркий пример – прилагательное *суровый*. Согласно данным толкового словаря, лексема имеет следующие значения: «1. Холодный, не благоприятный для жизни. 2. Очень тяжёлый, трудный, тяжкий. 3. Угрюмый, сердитый. 4. Очень строгий, серьёзный» [ТСРЯ 2011: 959].

Анализ приведенных дефиниций позволяет обнаружить наличие отрицательных сем в первых трех значениях слова: 1) неблагоприятный; 2) тяжелый, трудный (отрицательная семантика усилена интенсификатором *очень*); 3) угрюмый=неприветливый. Лишь четвертое значение допускает нейтральную или даже положительную оценку.

Нами обнаружено, что в ответах респондентов отрицательная семантика нейтрализуется. Во-первых, *суровый*, сочетаясь в одном однородном ряду с лексемами позитивной семантики – *добрый, справедливый, ответственный* – по закону семантического согласования реализует свое четвертое мелиоративное значение. Во-вторых, ответы респондентов *суровые, но добрые* или *суровые и справедливые* с противительными и сочинительными союзами демонстрируют, как пейоративные семы в семной структуре лексемы *суровый* уступают место коннотациям надёжности и принципиальности. Таким образом, в региональном дискурсе *суровый* перестаёт быть маркером неприветливости и становится символом внутренней силы.

В докладе будет представлен анализ атрибутивов и их семантических особенностей, отражающих представления об уральском характере, существующие в коллективном языковом сознании.

Литература

Каганский В. Л. Ареальная парадигма пространственной идентичности: основания, пределы, выход за пределы // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2014. № 5. С. 10–19.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2011. 1175 с.

Л. О. Чернейко (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

ЛЕКСИКА И ГРАММАТИКА

В ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Д. Н. ШМЕЛЕВА

1. Основные идеи, которые развивал Д. Н. Шмелев в области русского языкознания, имеют общетеоретическое значение и продолжают жить и развиваться.

2. Важнейшим для лексико-семантической концепции ученого является понимание лексического значения слова как способа хранения информации об означенных фрагментах действительности во всей полноте присущих им свойств, что стало основанием для современных когнитивных исследований.

3. Утверждая различия между значением слова и его значимостью, Д. Н. Шмелев рассматривает значимости как результат лингвистического препарирования содержания слова, являющегося членом лексико-семантической парадигмы. Оппозиция «значение — значимость» опирается на противопоставлении двух семантик — «внесистемной» и «системной». Внесистемная семантика слова, охватывающая весь спектр коннотаций, обладает своей текстопорождающей потенцией.

4. Феномен внутрисловного смыслообразования ученый предложил рассматривать как системное явление, как «третье измерение лексики» и подвел под понятие «эпидигматика».

5. Грамматическая концепция Д. Н. Шмелева содержит идею приоритета лексической семантики над грамматикой, что подтверждается морфологической неполнотой непредметных имен существительных.

6. Рассматривая типологию односоставных предложений, Д. Н. Шмелев одним из первых обратил внимание на синтаксические «аномалии» — единицы разговорной (диалоговой) речи. Такого рода единицы входят в состав «Русского Конструктикона».

О НЕКОТОРЫХ ПРИЕМАХ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СОБЕСЕДНИКА В ПОЛЕМИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ

Успешный диалог строится на гармонизации мнений, желаний и намерениях собеседников. Диалог состоит из микродиалогов, причина и основание которых – интенция одного из собеседников, задача, которую он пытается решить в согласовании с собеседником. Интенции обоих собеседников могут иметь разные стратегии: миролюбивые, направленные на гармонизацию взаимодействия, или агрессивные, обладающие большей степенью воздействия, однако чреватые конфликтом и даже ломкой установленной между собеседниками системы социальных взаимоотношений. Русское неформальное общение имеет черты непосредственности, легкости вторжения в личную зону, и часто включает компонент борьбы за интеллектуальное превосходство и за «субъективную истину». Для этого собеседники могут покровительственно воспитывать друг друга в соответствии со своими представлениями о жизни и истине, уличать друг друга в некомпетенции и т. д. Другими словами, над конкретным обсуждением может витать борьба за интеллектуальное доминирование, инструментами которой являются разнообразные стратегии, оформляемые вводными аппеллятивными оборотами. Выбор той или иной стратегии определяется каждый раз в конкретной речевой ситуации и оформляется в зависимости от темы микродиалога и его языкового оформления. В процессе бесконечного числа диалогических взаимодействий из речевой практики «отливаются» в язык стереотипны формулы, маркирующие ту или иную стратегию. В докладе будет рассмотрено несколько стереотипных оборотов, используемых для воздействия на собеседника через попытку интеллектуального доминирования, принижения собеседника до роли неопытного ученика перед авторитетным снисходительным собеседником. К рассматриваемым в докладе оборотам относятся: *К твоему сведению, Скажу тебе по секрету, Да будет тебе известно, Чтоб ты знал /вы знали.*

СЛОВА С СУФФИКСАМИ -АН (-ЯН), -ОС И -АС В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

В современной разговорной речи активно функционируют существительные с суффиксом -ан (-ян). «Русская грамматика» отмечает две тематические группы таких слов: 1) лицо или животное, характеризующееся интенсивным телесным признаком (ср. *пузан*,

брюхан, лобан); 2) лицо, склонное к тому, что названо мотивирующим словом (с оттенком неодобрения) (ср. *критикан, интриган, смутьян*)⁶. Несмотря на то, что в Грамматике этот тип словообразования обозначен как непродуктивный, на протяжении последнего столетия в разговорной речи суффикс *-ан (-ян)* значительно расширил своё употребление. Прежде всего он стал активно использоваться в образовании уменьшительных форм имён, которые можно охарактеризовать как фамильярные и/или сниженные (ср. *Колян, Толян, Костян, Вован*). Ср. также появившиеся в конце XX – нач. XXI в. *братан, картофан, сорян* и др.

Суффиксы *-ас* и *-ос* в академической грамматике не фиксируются. По нашим наблюдениям и по данным Национального корпуса русского языка, их активное употребление начинается примерно с конца 1990-х гг. Стоит отметить, что данные суффиксы всегда ударные и в большинстве случаев они присоединяются к усеченным основам (ср. *досвидос* – образ. от *до свидания*, *холодос* – образ. от *холодильник*, *годовас* – образ. от *годовалый ребёнок*). С помощью суффиксов *-ас* и *-ос* в современной разговорной речи образуются также уменьшительные формы имен (ср. *Никитос, Димас* – образ. от *Никита* и *Дмитрий* соответственно).

В докладе будут рассматриваться версии появления этих суффиксов, стилистическая окраска подобных слов и проблемы их словарного описания.

Л. Л. Шестакова (Москва, ИРЯ РАН),

А. С. Кулева (Москва, ИРЯ РАН)

ЯЗЫК ЭПОХИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПОЭТИЧЕСКОГО СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ «СЛОВАРЯ ЯЗЫКА РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА»)

В научном наследии Д. Н. Шмелева особое место занимают работы, посвященные языку художественной литературы. В последние десятилетия эта разновидность национального языка всё чаще изучается с помощью лексикографического метода. Примером современного авторского (писательского) словаря может служить многотомный «Словарь языка русской поэзии XX века» [СЯРП]. Это сводный конкорданс объяснительного (комментирующего) типа, описывающий, по выбранным источникам, язык десяти видных поэтов Серебряного века – И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока, С. Есенина, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Хлебникова, М. Цветаевой – на всём протяжении их творческого пути, т. е. с конца XIX в. (Анненский) до середины 1960-х гг. (Пастернак и Ахматова).

⁶ Русская грамматика: научные труды. – М., 2005.

СЯРП аккумулирует в себе значительный массив языковых данных, что позволяет обратить внимание на разные аспекты истории национального языка, уточняя и дополняя общезыковые толковые словари: иллюстрируя отмеченные, но не подтвержденные значения и оттенки значений, фиксируя языковые факты, не отраженные в словарях, и т. д.

В отличие от традиционных толковых словарей СЯРП включает имена собственные разных классов, описывает индивидуально-авторские употребления, что дает возможность более точно представлять язык эпохи, проследживать общезыковые тенденции.

Поэзию Серебряного века характеризует установка на обновление поэтического языка: использование слов разных функциональных стилей, в том числе сниженных пластов, обращение к специальной лексике, эксперименты со словом.

В докладе предполагается рассмотреть примеры употребления и образного переосмысления разных типов лексики на материале словарных статей СЯРП в сопоставлении с данными Национального корпуса русского языка.

А. Д. Шмелев (Москва, ИРЯ РАН)

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ШМЕЛЕВ

В докладе рассказывается о жизненном пути и научных трудах Дмитрия Николаевича Шмелева. Приведены некоторые малоизвестные подробности его биографии. Показаны трудности, связанные с жизнью в Советском союзе, в условиях тоталитарного режима. Описан подход Д. Н. Шмелева к лингвистическим исследованиям, базирующийся на здравом смысле в большей мере, нежели на отвлеченных теоретических представлениях. Рассмотрены его взгляды на системность лексики и на возможность семантического описания отдельных лексических групп, а также на проблему лексической многозначности. На основе системных связей различных лексических значений многозначного слова может быть установлена их иерархия. Наряду с парадигматическими и синтагматическими отношениями, Д. Н. Шмелев выделял третий тип системных отношений в лексике – эпидигматические отношения. Под эпидигматическими отношениями понимаются отношения, связанные с мотивированностью. Если парадигматические и синтагматические отношения характерны для всех уровней языковой системы, то эпидигматические отношения свойственны именно лексике и обусловлены номинативной функцией лексических единиц. Будут также рассмотрены работы Д. Н. Шмелева по истории языка, работы, посвященные «смещенному» употреблению определенных слов, словосочетаний и грамматических конструкций

(экспрессивно-ироническое выражение отрицания, употребление вопросительных по форме местоимений и наречий, значение глагольного вида в формах императива, стилистическое употребление форм лица). Рассматривается проведенное Д. Н. Шмелевым исследование взаимодействия противоборствующих тенденций развития лексической системы языка: тенденции к экспрессивности и тенденции к регулярности. Характеризуются публикации Д. Н. Шмелева, посвященные синтаксической проблематике, и его подход к изучению языка художественной литературы. Отдельно упоминаются работы Д. Н. Шмелева, связанные с его педагогической деятельностью.

М. В. Шульга (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

ИННОВАЦИИ В ФОРМАХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ И ИХ СИСТЕМНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

В докладе приводятся наблюдения над современным функционированием форм типа *пятиста* и других инноваций в формах числительных (на материале Национального корпуса русского языка).

В системных предпосылках для инноваций прослеживается взаимодействие двух основных факторов: утраты категории числа и тенденции к двухпадежности.

Утрата категории числа – это универсальный грамматический процесс. Как показывается в докладе, этот процесс реализуется во многообразных преобразованиях исходных субстантивных и адъективных форм и их синтаксических связей и охватывает все числовые наименования. Варьирование форм типа *пятисот-пятиста* отражает актуальные грамматические процессы – поэтапное замещение субстантивных грамматических признаков нумеративными свойствами. Формы типа *пятиста* системны и перспективны, они соответствуют тенденциям развития грамматических категорий имени числительного.

Тенденция к двухпадежности форм склонения отчасти регулирует направление и конкретные результаты замены плюральных форм. Однако её реализация не предполагает непременно устранения плюральных форм. Тенденция к двухпадежности реализуется в современных формах внешнего склонения и в формах внутреннего склонения, в формах единственного числа и в формах множественного числа.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ТИПЫ РЕЧЕВЫХ АКТОВ СО СЛОВОМ *ага* И ИХ ИНТОНАЦИЯ

На основе идеи Д. Н. Шмелева о значении интонации в формировании функционально-стилистических разновидностей речи предлагается типология речевых актов со словом *ага*. *Ага* представлено как дискурсивное слово, которое играет важную и многообразную роль в формировании звучащего диалога на русском языке. *Ага* рассматривается на звучащем материале подкорпуса МУРКО Национального корпуса русского языка. Установлены интонационные реализации основных функционально-стилистических типов речевых актов с *ага*. Выделены стилистически релевантные интонационные реализации *ага*. Разнообразие функциональных типов *ага* сводится к следующему. Наиболее многочисленный класс представлен *ага* обратной связи и выражения согласия с собеседником. Показано, что эмфатическая реализация *ага*, сопровождаемая интонацией эмфазы, в этом классе играет важную роль в научном обсуждении и в официально-деловой обстановке. Рассмотрено также *ага* озарения, имеющее соответствия в западноевропейских языках, ср. т. н. *aha-moments*. Среди функций *ага*, реализуемых в сугубо разговорных ситуациях, включая употребления сниженного стиля, анализируются *ага* команды, *ага* прощания, *ага* сарказма, *ага* в цитатной конструкции и *ага* в составе фразеологизованного сочетания *и ага*. Показано, что интонационная реализация с падением частоты на ударном слоге *ага* имеет более сухое и формальное звучание, чем более вежливая и эмпатически нагруженная артикуляция с подъемом частоты. Изложение иллюстрировано графиками изменения частоты основного тона в качестве визуализации и верификации слуховых впечатлений от звучащей речи.